А. Кауфманъ.

Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи.

Статистическій очеркъ.

-540-8°

САМАРА.
Типографія Губернскаго Земства.
1915.

3й экз

„Поол 38"

657
38

Библиотека
Аграрного
института

10769

прол в

Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи.

Статистическій очеркъ.

Я беру заглавіемъ для своего очерка, просто, заглавіе новаго изданія департамента земледѣлія *)—книги или точнѣе—сельско-хозяйственнаго атласа, краткій отчетъ о которомъ былъ уже данъ г. В—цевымъ въ № 5 «Земскаго Агронома». Въ данномъ случаѣ я не подписался бы вполнѣ подъ отзывомъ рецензента: такіе эпитеты, какъ «энциклопедія нашей сельско-хозяйственной промышленности», какъ «культурное завоеваніе», кажутся мнѣ слишкомъ восторженными для изданія, которое предъставляетъ собой, въ концѣ концовъ, лишь богато иллюстрированную графиками сводку оффиціальныхъ данныхъ о сельскомъ хозяйствѣ и объ агрономической помощи въ Россіи,—притомъ сводку, обнимающую не сельское хозяйство вообще, а лишь одну изъ двухъ его основныхъ отраслей—земледѣліе, и, страннымъ образомъ, игнорирующую скотоводство. Еще въ гораздо меньшей мѣрѣ, однако, я могъ бы подписаться подъ чрезмѣрно строгимъ отзывомъ такого въ высшей степени авторитетнаго критика, какъ Н. П. Огановскій, на столбцахъ «Русскихъ вѣдомостей». Нельзя требовать отъ изданнаго вѣдомствомъ сельско-хозяйственнаго атласа, чтобы онъ былъ «творческимъ трудомъ»; нельзя требовать отъ его составителей «привлеченія къ разработкѣ не только готоваго оффиціальнаго матеріала, но и груды сырыхъ земско-статистическихъ данныхъ, могущихъ дать всестороннее освѣщеніе аграрной эволюціи въ Россіи»,—иниціаторы и редакторъ сборника интересовались сельско-хозяйственнымъ промысломъ, какъ таковымъ, а не аграрною эволюціей, а разобраться въ «грудѣ» земско-статистическаго сырья и привести ее въ видъ, пригодный для использованія въ атласѣ,—это задача, съ которою не справились бы и мы съ г. Огановскимъ; нельзя, наконецъ, ставить въ упрекъ составителямъ атласа хотя бы, напримѣръ, того, что они даютъ долю земледѣльческаго населенія по даннымъ всероссійской переписи 1897 года,—сводкѣ оффиціальнаго матеріала нельзя ставить въ упрекъ того, что дѣлаютъ ученые экономисты калибра покойнаго Скворцова или здравствующаго А. Н. Челинцева. Каковы бы ни были тѣ или другіе частные недостатки даннаго изданія, какъ бы ни были

*) «Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи». Изд. Департамента Земледѣлія.

велики пробѣлы въ его программѣ, оно изобилуетъ интересно разработаннымъ статистическимъ матеріаломъ, разработаннымъ, притомъ, въ формѣ, чрезвычайно облегчающей изученіе какъ современнаго состоянія нашей сельско-хозяйственной промышленности, такъ и эволюціи ея во времени. Оно, поэтому, было бы, дѣйствительно, «цѣннымъ подаркомъ всѣмъ, кому дорого развитіе отечественнаго земледѣлія» (слова г. В—цева), если-бы... было всѣмъ имъ доступно: если-бы оно не такъ преизбыточествовало даже иногда, ненужными, графиками; если бы въ немъ было меньше погони за художественною и техническою роскошью, меньше заботы о внѣшнемъ, чисто зрительномъ эффектѣ, меньше стремленія epater le bourgeois,—изумить, притомъ, не только русскаго, но и французскаго буржуя; если бы оно, въ соотвѣтствіи съ этимъ, могло продаваться не по 10, а можетъ быть, по 3 или даже по 2 рубля. Нельзя не отмѣтить, между прочимъ, что содержаніе атласа лишь въ меньшей своей части относится собственно къ *«сельско-хозяйственному промыслу»*,—большая часть его посвящена *агрономической помощи* и *сельско-хозяйственному образованію*. Въ этой своей части атласъ лишь въ другой, болѣе наглядной, формѣ даетъ то самое, что даетъ почти одновременно съ нимъ вышедшая монографія объ «агрономической помощи»,—слѣдовательно для большинства возможныхъ читателей не представляетъ особаго интереса. Не было ли бы, поэтому, цѣлесообразно, если бы вѣдомство выпустило отдѣльнымъ изданіемъ тѣ части атласа, которыя относятся, собственно, къ «сельско-хозяйственному промыслу», и пустило ихъ въ продажу по мыслимо-доступной цѣнѣ? Этимъ, я думаю, оно сдѣлало бы, въ самомъ дѣлѣ, «цѣнный подарокъ» всѣмъ интересующимся отечественнымъ земледѣліемъ.

Отмѣченная только что нѣкоторая неравномѣрность распредѣленія помѣщеннаго въ новомъ атласѣ департамента земледѣлія матеріала между вопросами собственно сельскаго хозяйства, или точнѣе—земледѣлія, съ одной стороны, агрономической помощи, съ другой, не является результатомъ случайнаго недосмотра. Основною цѣлью даннаго изданія было именно дать «обзоръ *сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій* болѣе общаго характера, какъ то по распространенію с.-х. знаній, развитію с.-х. опытнаго дѣла, по вопросамъ агрономической организаціи вообще, по улучшенію земледѣльческой техники и т. д.». Въ изобиліи сообщаемымъ, въ соотвѣтствіи съ этой основною задачей, даннымъ о «мѣропріятіяхъ» лишь «предпосылаются», въ видѣ нѣкотораго введенія, «общія статистическія свѣдѣнія о с.-х. промыслѣ въ Россіи». Для пишущаго эти строки—какъ, думается мнѣ, и для широкихъ круговъ читающей и интересующейся вопросами сельскаго хозяйства публики, главный интересъ «Сельскохозяйственнаго промысла» именно *въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ*. Собранныя и, въ общемъ, удачно сгруппированныя въ новомъ атласѣ

департамента земледѣлія данныя раскрываютъ предъ читателемъ, въ самомъ дѣлѣ, широкую картину современнаго состоянія и въ особенности—прогресса сельско-хозяйственнаго промысла, въ частности—земледѣлія. Нѣкоторый набросокъ этой общей картины я и намѣренъ предложить вниманію читателя,—заранѣе замѣчу, что немало чертъ, необходимыхъ для приданія моему наброску мыслимой, въ сравнительно небольшомъ объемѣ, законченности, мнѣ придется взять изъ разныхъ другихъ источниковъ.

* * *

«При всемъ своемъ огромномъ государственномъ и экономическомъ значеніи—читаемъ мы на 1-ой страницѣ предисловія къ новому изданію департамента земледѣлія—отечественное сельское хозяйство въ техническомъ отношеніи стоитъ сравнительно на невысокомъ уровнѣ, но за послѣднія десятилѣтія становятся все болѣе замѣтными признаки существенныхъ улучшеній, которыя за ближайшее (къ намъ) время уже явственно принимаютъ массовый характеръ. Замѣтно крѣпнетъ устойчивость урожаевъ, увеличивается вообще производительность десятины посѣва, повышается въ своихъ среднихъ нормахъ урожайность главнѣйшихъ хлѣбовъ, сильно расширяется внутреннее производство усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, растетъ ихъ ввозъ изъ заграницы, а также размѣры перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ, увеличивается производство и потребленіе минеральныхъ удобрительныхъ туковъ и т. д.».

Первыя слова приведеннаго отрывка вполнѣ соотвѣтствуютъ ходячимъ въ русскомъ обществѣ представленіямъ относительно положенія русскаго сельскаго хозяйства. Но дальнѣйшее? Вѣдь это—картина быстраго, притомъ принимающаго массовый характеръ, сельско-хозяйственнаго прогресса. Такъ ли это? Не звучитъ-ли въ приведенныхъ словахъ, просто, вѣдомственный оптимизмъ, можетъ быть, побуждающій вѣдомственныхъ дѣятелей къ преувеличенной оцѣнкѣ того, что, въ той или другой мѣрѣ, можетъ имъ казаться плодомъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, энергичной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ? Вѣдь мы такъ привыкли думать, что одна изъ двухъ крупныхъ вѣтвей русскаго сельскаго хозяйства, владѣльческое, представляетъ собой какой-то отмирающій пережитокъ феодально-крѣпостнической старины, живущій лишь казенными воспособленіями и эксплоатаціей окрестнаго, юридически освобожденнаго, но фактически, попрежнему, закрѣпощеннаго крестьянства; мы такъ привыкли представлять себѣ другую его вѣтвь, крестьянское хозяйство, силою судебъ осужденнымъ на застой, если не на регрессъ. Не какіе-нибудь завзятые крѣпостники, поклонники попечительной власти земскихъ начальниковъ, а крестьянскіе депутаты въ 1-ой государственной думѣ говорили о «культурѣ», какъ о «барскомъ дѣлѣ», видѣли во всякомъ разговорѣ о возможности

культурнаго подъема крестьянскаго хозяйства чуть-ли не прямой подвохъ—подкапываніе подъ насущныя народныя требованія и интересы. «Крестьянинъ—писалъ въ 1905 г. такой выдающійся народолюбецъ, какъ А. В. Пѣшехоновъ, цитируя журналъ одного изъ Виттевскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ,-даже при скудномъ питаніи не могъ сдѣлать сбереженій, а иногда долженъ былъ захватывать основной капиталъ, какъ скотъ, естественное плодородіе и проч.; естественно, что хозяйство не только не могло сдѣлаться интенсивнѣе, т. е. что крестьянинъ не имѣлъ возможности улучшить обработку земли и поднять ея производительность, но не могъ удержаться и на прежнемъ уровнѣ». Отсутствіе свободнаго остатка,—продолжалъ г. Пѣшехоновъ уже отъ себя—какого-либо излишка въ бюджетѣ, неизбѣжно порождаетъ застой въ хозяйствѣ; техническія улучшенія уже по этой одной причинѣ, не говоря о массѣ другихъ, вовсе недоступны для массы крестьянства. Если такія улучшенія и имѣютъ мѣсто, то почти исключительно въ селеніяхъ лучше обставленныхъ, въ хозяйствахъ почти зажиточныхъ... Если—продолжалъ затѣмъ г. Пѣшехоновъ,—отсутствіе излишка въ бюджетѣ обуславливаетъ *застой* въ хозяйствѣ, то дефициты дѣлаютъ почти неизбѣжнымъ *регрессъ* въ немъ, т. е. ухудшеніе: подъ вліяніемъ нужды навозъ, вмѣсто вывозки въ поле, обращается на обкладку хатъ или даже сжигается вмѣсто топлива; крестьянскій скотъ, заморенный и изнуренный, но за всѣмъ тѣмъ представляющій самое цѣнное имущество крестьянъ, въ трудную минуту ихъ жизни неизмѣнно служитъ средствомъ, чтобы достать деньги, не считаясь уже съ цѣлостью хозяйства».... Грѣшенъ и я: и я, правда въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ большинство другихъ, окрашивался тѣмъ-же настроеніемъ. Я всецѣло подписывался—поскольку рѣчь идетъ о фактическомъ положеніи дѣлъ—подъ приведенными только-что словами г. Пѣшехонова и резюмировалъ положеніе вещей такимъ образомъ: «получается—писалъ я—такое положеніе дѣлъ: нужда крестьянства можетъ быть устранена лишь при улучшеніи хозяйства и при повышеніи производительности и доходности земли, а между тѣмъ, какъ разъ эта самая нужда не только дѣлаетъ такое улучшеніе и повышеніе невозможнымъ, но ведетъ за собой еще дальнѣйшее ухудшеніе хозяйства, дальнѣйшее ухудшеніе земли». И когда я наткнулся на «неожиданный» (мое подлинное выраженіе) фактъ довольно быстраго повышенія урожайности крестьянскихъ земель,—фактъ, рѣшительно не мирившійся съ «дальнѣйшимъ ухудшеніемъ земли» и «дальнѣйшимъ ухудшеніемъ хозяйства»,—я съумѣлъ только въ недоумѣніи развести руками и не рѣшился поставить себѣ вопроса: да полно, правда ли, что ухудшается земля и ухудшается хозяйство? Въ чемъ я однако и тогда не былъ повиненъ: я рѣшительно не раздѣлялъ господствовавшаго тогда въ широкихъ, и притомъ какъ разъ въ наиболѣе близкихъ мнѣ,

по общему настроенію, кругахъ общества убѣжденія въ невозможности даже и помыслить, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, о какомъ-либо повышеніи качественнаго уровня крестьянскаго хозяйства, въ преждевременности какихъ либо заботъ объ улучшеніи пріемовъ обработки крестьянскихъ земель, пока не устранено малоземелье, пока не измѣнилась кореннымъ образомъ вся политическая, экономическая и культурная обстановка,—убѣжденія, страшно сказать, въ *неспособности* крестьянина, при данномъ его культурномъ уровнѣ, воспринять начала улучшеннаго земледѣлія. «Неужели же крестьянинъ—восклицалъ я, ссылаясь на происходившую въ то время борьбу за политическое полноправіе крестьянскихъ массъ,—неужели же крестьянинъ, котораго мы, значитъ, признаемъ способнымъ разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, далеко выходящихъ изъ обычнаго крестьянскаго кругозора, неспособенъ уразумѣть такія простыя вещи, какъ преимущество хорошихъ сѣмянъ передъ плохими, какъ выгоды, доставляемыя травосѣяніемъ, какъ эффектъ минеральнаго удобренія или глубокой вспашки?»... И я, насколько хватало моего слабаго голоса, не переставалъ взывать,—можно сказать, не переставалъ кричать о томъ, что теперь, кажется, стало азбучною истинной: что «безъ науки, безъ улучшенія способовъ и пріемовъ обработки земли, которое можетъ дать крестьянину только наука, нѣтъ способа поднять крестьянское хозяйство» *)....

Однако я опять—какъ и въ предыдущей моей статьѣ—впалъ въ лирическія отступленія и въ мало интересныя для читателя автобіографическія воспоминанія. Прошу читателя простить меня за это, а затѣмъ перехожу къ очереднымъ дѣламъ.

Итакъ, застой или прогрессъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ? Застой или прогрессъ, въ частности, въ той вѣтви его, которая прежде всего и больше всего интересуетъ и меня, и, конечно, каждаго дѣятеля общественной агрономіи: въ крестьянскомъ трудовомъ хозяйствѣ?

Остановимся, сначала, на той изъ двухъ основныхъ отраслей хозяйства, для которой нашъ основной источникъ, новый атласъ сельско-хозяйственнаго вѣдомства, не даетъ никакихъ свѣдѣній,—на скотоводствѣ или, говоря шире, на животноводствѣ. Въ этой области общая картина, насколько ее можно себѣ представить на основаніи статистическаго матеріала, будетъ, въ самомъ дѣлѣ, скорѣе картиною застоя, нежели картиною прогресса. Приведу, или, лучше сказать, напомню нѣсколько извѣстныхъ каждому читателю цифръ, характеризующихъ общее количественное развитіе скотоводства въ Россіи по сравненію съ нѣкоторыми другими странами:

---

*) Приведенныя цитаты изъ моей книжки „Аграрный вопросъ въ Россіи“ изд. Моск. общ. народн унив. Москва, 1908.

	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.
	На 100 душъ населенія.				
Россія. вся	20,5	30	46	2,8	8,9
» европейская	18	25	32	0,6	10
Венгрія	11	35	41	2,0	36
Германія	6,9	32	8,4	5,4	39
Данія	20	83	27	1,5	54
Франція	8,2	37	41	3,7	18
Англія	4,1	26	60	—	7,2
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты . .	22	60	55	—	63
Канада	35	89	34	—	45
Аргентина	131	404	1160	60	40
Австралія	54	261	904	—	18

Цифры эти, очевидно, довольно сильно расходятся съ обычнымъ представленіемъ о Россіи, какъ о странѣ, изобилующей скотомъ и снабжающей западно-европейскія страны продуктами животноводства. Вотъ, Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты, Канада, тѣмъ болѣе Аргентина или Австралія,—это, въ самомъ дѣлѣ, скотоводческія страны, могущія много отдавать Европѣ отъ избытка своихъ скотоводческихъ богатствъ. Въ Россіи мы не видимъ ничего похожаго. Лишь по обезпеченности лошадьми, да и то только при среднемъ разсчетѣ на душу или на 100 душъ населенія, Россія стоитъ впереди почти всѣхъ западно-европейскихъ странъ; если же взять отношеніе лошадей *къ культурной площади*, то получится нѣчто совсѣмъ иное: въ Россіи, по разсчетамъ В. Э. Дена, на 1000 удобныхъ десятинъ приходится всего 94 лошади,—во Франціи 107, въ Англіи 115, въ Германіи 119, въ Венгріи и Даніи даже 171 и 192 лошади. Нечего уже и говорить о другихъ видахъ скота: по количеству рогатаго, даже при разсчетѣ на населеніе, Россія даже въ цѣломъ занимаетъ предпослѣднее, европейская Россія—даже послѣднее мѣсто; на одномъ съ нею количественномъ уровнѣ стоитъ, въ данномъ отношеніи, только Англія съ ея совершенно своеобразнымъ складомъ хозяйства,—она же одна отстаетъ отъ Россіи по количеству свиней; Германія и особенно не приведенная въ нашей табличкѣ Швейцарія стоятъ значительно ниже, Данія и Швеція—тоже еще замѣтно ниже Россіи по количеству овецъ. Всѣ остальныя страны западной Европы стоятъ выше, нерѣдко значительно выше европейской Россіи по количеству и рогатаго скота, и овецъ, и въ особенности свиней, и только взятая вмѣстѣ съ азіатскою частью, Россія сравнивается съ большинствомъ европейскихъ странъ по количеству рогатаго скота и становится значительно выше ихъ по количеству овецъ, еще болѣе отставая отъ нихъ, конечно, по количеству свиней. Мнѣ нѣтъ надобности подчеркивать, насколько еще менѣе благопріятнымъ для нашей

страны оказался бы результатъ сравненія, если бы и для прочихъ видовъ скота, не только для лошадей, вычислить степень насыщенности ими всей или сельско-хозяйственной территоріи; тѣмъ менѣе надобности напоминать о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ неблагопріятный результатъ чисто-количественнаго сравненія усугубляется маловѣсностью и низкимъ качествомъ русскаго скота по сравненію со скотомъ въ западно-европейскихъ странахъ или даже въ Америкѣ. Что ближайшимъ образомъ интересуетъ насъ,—это вопросъ о происходящихъ съ теченіемъ времени измѣненіяхъ въ положеніи скотоводства. Вотъ характерныя цифры для нѣсколькихъ западно-европейскихъ странъ, а также для Соед. Штатовъ Сѣверной Америки:

		Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ и козъ.	Свиней.
		Т ы с я ч ъ.			
Франція	1882	2838	12997	34619	5246
	1913	3230	14807	17666	7047
Германія	1883	3522	15787	21840	9206
	1912	4523	20182	9214	21924
Данія	1881	348	1470	1558	527
	1909	535	2254	767	1468
Венгрія	1880	2079	5311	10171	4160
	1911	2351	7319	8975	7580
Сербія	1890	163	828	3475	908
	1910	153	972	4436	863
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты	1880	11202	33258	40766	34034
	1913	20567	56527	51482	61178

Итакъ, феноменально быстрый ростъ скотоводства въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатахъ, и притомъ почти равномѣрный *во всѣхъ* отрасляхъ и въ такихъ характерныхъ для экстенсивнаго хозяйства, какъ коневодство и овцеводство, и въ такой, свойственной уже интенсивному хозяйству, какъ свиноводство. Изъ взятыхъ мною въ видѣ примѣровъ западно-европейскихъ странъ совершенно особое мѣсто занимаетъ Сербія: не говоря о коневодствѣ, которое во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, кромѣ Даніи, мало измѣняется въ своихъ абсолютныхъ размѣрахъ, здѣсь и большинство остальныхъ отраслей скотоводства претерпѣваетъ лишь незначительныя измѣненія: рогатый скотъ въ сторону прибыли, свиньи въ сторону убыли, но что характернѣе всего—быстрѣе всего растетъ численность овецъ; Сербія, значитъ, еще не переросла условій, благопріятствующихъ этой экстенсивнѣйшей изъ отраслей животноводства. Во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ, даже въ сопредѣльной съ Сербіею Венгріи, овцеводство,—эта, повторяю, характернѣйшая для экстенсивнаго хозяйства отрасль скотоводства,—убываетъ. *Но только*

оно одно. Относительно медленно оно убываетъ въ только что названной Венгріи, но также и въ столь различной отъ нея по всему хозяйственному строю Даніи; общимъ для обѣихъ этихъ странъ является и умѣренно быстрый ростъ остальныхъ трехъ видовъ скота; въ Англіи значительно слабѣе растетъ количество рогатаго скота, особенно же свиней, и столь же слабо убываетъ количество овецъ; характерна затѣмъ и нѣкоторая убыль числа лошадей. Напротивъ, въ двухъ большихъ континентальныхъ странахъ, Германіи и Франціи, растетъ количество всѣхъ видовъ скота, кромѣ овецъ, численность которыхъ въ той и другой странѣ убываетъ чрезвычайно быстро; въ Германіи, однако, эта убыль болѣе чѣмъ компенсируется быстрымъ ростомъ количества свиней и гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ во Франціи, ростомъ количества рогатаго скота.

Вотъ, теперь, взятыя за болѣе продолжительный срокъ и для большаго числа моментовъ цифры, относящіеся къ 60 губерніямъ европейской Россіи вмѣстѣ съ царствомъ Польскимъ:

	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ и козъ.	Свиней.
		Т ы с я ч ъ.		
1864—9	16091	22963	49307	10319
1882	16555	26765	49880	9655
1887	17127	26005	50972	10458
1892	17725	26686	40966	10084
1897	20132	33454	49796	14445
1902	21886	34965	51378	13188
1907	21698	31975	43069	12366
1912	23167	32931	41233	13224

Такимъ образомъ, замѣтный скачокъ вверхъ наблюдается только между 1892 и 1897 г.г.,—изъ погодныхъ цифръ видно, что скачокъ этотъ имѣлъ мѣсто собственно отъ 1895 къ 1896 году, съ одинаковою силой проявившись, въ этомъ году, по отношенію ко всѣмъ четыремъ категоріямъ скота. Вѣроятнѣе всего, что это—не дѣйствительное, а чисто—«статистическое», т. е. фиктивное увеличеніе количества скота, обусловленное какими-то улучшеніями въ техникѣ учета. И такое предположеніе подкрѣпляется тѣмъ фактомъ, что позднѣе указаннаго момента абсолютное число всѣхъ видовъ скота, кромѣ овецъ, остается на почти неизмѣняющемся урвонѣ, обнаруживая для лошадей весьма слабый ростъ, для рогатаго и свиней—тоже слабую, можетъ быть случайную, убыль, движеніе же количества овецъ, начиная съ 1900 года, возвращается къ своему прежнему, хотя и не рѣзко, убывающему направленію. Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже абсолютное количество скота въ европейской Россіи въ теченіе послѣдней половины вѣка не обнаруживаетъ, во всякомъ случаѣ, никакого роста, при чемъ,

въ частности, наблюдаемая у насъ, какъ и во всей остальной Европѣ, убыль овцеводства не компенсируется наблюдаемымъ во всей Европѣ ростомъ количества рогатаго скота и особенно свиней. Очевидно, что въ Россіи болѣе или менѣе исчезли условія, еще сравнительно недавно благопріятствовавшія первобытному, экстенсивному скотоводству съ характернымъ для него разведеніемъ овецъ, и еще не сложились условія, благопріятствующія болѣе культурному, интенсивному скотоводству, наиболѣе характерною отраслью котораго, наряду съ неуловимымъ для суммарнаго цифрового учета молочнымъ скотоводствомъ, является свиноводство.

Остающіяся, въ общемъ, неизмѣнными абсолютныя цифры скотоводства, при исключительно быстромъ ростѣ населенія, равносильны, какъ ясно безъ всякихъ вычисленій, пониженію обезпеченности послѣдняго скотомъ, а слѣдовательно—и сокращенію нормально могущихъ идти на вывозъ избытковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, рѣзко падаетъ и вывозъ какъ живого скота (кромѣ лошадей), такъ и характерныхъ для экстенсивнаго періода продуктовъ животноводства: рогатаго скота еще въ серединѣ 80-хъ г.г. вывозилось 41—46 тыс. штукъ въ годъ, въ началѣ 90-хъ г.г. 22—23 тысячи, въ концѣ 90-хъ и въ началѣ 900-хъ г.г. уже только отъ 8 до 11 тыс.; за все послѣднее десятилѣтіе вывозъ живого рогатаго скота только разъ немного превысилъ 10 тыс., во всѣ же остальные годы колебался между 2 и 6 тысячами. Вывозъ овецъ, приблизительно въ тѣ же моменты времени, выражался въ такихъ цифрахъ: 398—411 тыс., 188—305 тыс., 54—109 тыс., въ послѣднія же девять лѣтъ колебался между 13 и 42 тысячами. Вывозъ шерсти въ теченіе 1885—92 г.г. колебался между 1435 и 2520 тыс. пудовъ,—за все послѣдующее время онъ только три раза, въ 1897, 1906 и 1912 г.г. поднимался до 1125—1148 тыс., остальные годы колебался между 600 и 933 тысячами, въ 1908 г. падалъ даже до 400 тыс. пудовъ; отечественное производство шерсти оказывалось все менѣе и менѣе способнымъ покрыть даже внутреннее промышленное потребленіе, что вело къ непрерывному увеличенію ввоза иностранной шерсти. Вывозъ сала между 1885 и 1893 г.г. колебался между 146 и 283 тыс. пудовъ, въ 1894—99 г.г. уже только между 80 и 119 тысячами; съ тѣхъ поръ вывозъ сала падалъ въ еще болѣе быстромъ темпѣ, и въ послѣдніе годы, начиная съ 1907, колебался между 13 и 30 тысячами пудовъ. Энергично росъ только вывозъ мяса: въ теченіе всего времени съ 1885 по 1900 г. онъ колебался между 105 и 336 тысячами пудовъ, и только въ 1890 г. рѣзко поднялся до 639 тыс., въ періодъ между 1901 и 1909 г.г. вывозъ мяса колеблется уже между 317 и 586 тыс. пудовъ, въ 1910—12 г.г. онъ выражается 715, 826 и 1208 тыс. пудовъ; вывозъ мяса, очевидно, стимулировался прогрессомъ техники перевозки скоропортящихся продуктовъ, а съ другой стороны, не менѣе оче-

видно, росъ за счетъ и безъ того крайне ограниченнаго внутренняго потребленія.

Такимъ образомъ, *количественная* эволюція скотоводства представляетъ картину, абсолютно, полнаго застоя, а по сравненію съ растущимъ населеніемъ, несомнѣннаго регресса. Мнѣ нѣтъ надобности, однако напоминать читателю о несомнѣнно наблюдаемыхъ симптомахъ *качественнаго* повышенія типа русскаго скотоводства и вообще —животноводства. Достаточно общеизвѣстный фактъ—постепенный переходъ одной изъ главныхъ отраслей нашего животноводства, разведенія рогатаго скота, отъ чисто навознаго типа въ полосѣ, главнымъ образомъ, нечерноземнаго трехполья, и отъ убойнаго типа, главнымъ образомъ, въ Сибири, къ молочно-хозяйственному типу,— переходъ, связанный съ чрезвычайно быстрымъ ростомъ спеціально экспортнаго маслодѣлія. Вывозъ масла во весь періодъ времени между 1885 и 1896 г.г. колебался въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ 251 и 475 тыс. пудовъ,—болѣе или менѣе исключительно топленаго, «русскаго» масла. Начиная съ 1897 года онъ начинаетъ расти скачками, выражаясь въ каждый изъ послѣдующихъ годовъ, до 1912 г. включительно, такими цифрами: 529—616—630—1190—1968—2311—2516—2429—2408—3211—3658—3123—3479—3444—4672—4452 тысячъ пудовъ. Мнѣ достаточно упомянуть о томъ, что маслодѣліе очень скоро вырывается изъ когтей начинавшей принимать опредѣленно-хищническія формы частной предпріимчивости и становится одною изъ главныхъ сферъ небывало быстраго развитія и сорта кооперативныхъ формъ; достаточно упомянуть о лучше чѣмъ мнѣ извѣстной моимъ читателямъ положительной роли промышленнаго молочнаго хозяйства, какъ могущественнаго двигателя въ дѣлѣ реорганизаціи крестьянскаго животноводства, а съ нимъ вмѣстѣ—и вообще всего крестьянскаго хозяйства; двигателя, побуждающаго крестьянъ не такъ, какъ прежде, относиться къ кормленію и вообще къ содержанію скота, посвящать ему гораздо болѣе заботливый уходъ; создающаго усиленную потребность въ кормахъ и повышающаго ихъ цѣнность, тѣмъ самымъ толкающаго населеніе къ развитію полевого травосѣянія, а слѣдовательно къ коренному преобразованію и земледѣльческаго хозяйства—къ замѣнѣ отжившаго свой вѣкъ зернового трехполья другими видами болѣе интенсивнаго и раціональнаго, по преимуществу травопольнаго, хозяйства. Упомяну еще объ одной отрасли, уже не «скотоводства», а животноводства въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. о птицеводствѣ, которое въ послѣдніе годы стало пріобрѣтать все болѣе серьезное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ; переходя изъ первобытной формы, когда птица кормилась, въ значительной мѣрѣ, «чѣмъ Богъ послалъ», птицеводство переходитъ въ культурную, когда оно является наиболѣе выгоднымъ способомъ использованія всякихъ по-

бочныхъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства, и въ то же время изъ отрасли, по преимуществу, домашняго хозяйства, оно превращается въ одинъ изъ крупныхъ видовъ промышленнаго животноводства и въ одинъ изъ существенныхъ источниковъ крестьянскаго денежнаго дохода. Въ качествѣ характернаго показателя роста промышленнаго значенія птицеводства приведу цифры вывоза одного лишь изъ его продуктовъ—яицъ: еще въ 1885 г. онъ не превышалъ 235 милліоновъ штукъ; въ 1894 г. онъ достигаетъ 954, въ 1895 г. рѣзкимъ скачкомъ поднимается до 1410 милліоновъ; въ 1901 г. вывезено уже почти полныхъ два милліарда яицъ, въ слѣдующіе годы, до 1912 г. включительно, вывозъ яицъ выражался такими погодными цифрами: 2229—2775—2752—2993—2833—2608—2588—2844—2998—3682—3397 милліоновъ пудовъ. Опять таки,—въ виду имѣемаго мною въ виду круга читателей мнѣ нѣтъ особой надобности сколько нибудь подробно останавливаться на происходящихъ, параллельно съ ростомъ промышленной роли птицеводства, измѣненіяхъ въ его техникѣ,—мнѣ достаточно сослаться на факты, сведенные въ книгѣ В. В. Морачевскаго «Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи».

Въ виду задачи настоящаго очерка, мнѣ достаточно этихъ немногихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что и животноводство, при количественномъ застоѣ, качественно, все-же, начало сдвигаться съ мертвой точки. Да это и не могло быть иначе. Вѣдь животноводство не стоитъ изолированно отъ земледѣлія,—напротивъ, обѣ отрасли хозяйства связаны между собой тѣснѣйшею органическою связью. И разъ въ земледѣліи можно съ несомнѣнностью установить—какъ будетъ сдѣлано въ дальнѣйшемъ—наличность замѣтнаго качественнаго прогресса, то такого же прогресса не можетъ не оказаться и въ животноводствѣ.

Перехожу, однако, къ главному предмету этого очерка—къ земледѣлію. Количественная сторона и здѣсь представляетъ своеобразную картину, существенныя черты которой были подмѣчены и правильно освѣщены еще Н. П. Огановскимъ, въ работѣ, напечатанной въ 1908 году, въ коллективномъ трудѣ «Борьба за землю». Какъ видно было изъ сопоставленія данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ за 1887 и за 1905 г., ростъ запашекъ продолжался на сѣверѣ, востокѣ и юго-востокѣ европейской Россіи: въ сѣверномъ районѣ посѣвныя площади возросли за это время на 20%, въ нижневолжскомъ на 12, въ новороссійскомъ на всѣ 25%; почти въ такихъ-же пропорціяхъ возросла посѣвная площадь во всей западной полосѣ—въ литовскомъ районѣ на 15%, въ бѣлорусскомъ и прибалтійскомъ на 11, въ югозападномъ на 10%. Въ рядѣ другихъ районовъ ростъ запашекъ уже тогда почти совершенно пріостановился, въ нѣкоторыхъ же смѣнился прямою, хотя и не слишкомъ рѣзкою, убылью: такъ, въ приозерномъ районѣ

приростъ посѣвной площади за указанный періодъ не превышалъ 4.7, въ сѣверо-восточномъ и малороссійскомъ 1,9%; въ московской промышленной области посѣвная площадь сократилась на 3,6%, въ центрально-земледѣльческомъ и средне-волжскомъ районахъ на 4,6%. Еще болѣе рѣзкое выраженіе находятъ себѣ различія въ направленіи количественной эволюціи посѣвныхъ площадей въ тѣхъ новѣйшихъ данныхъ, которыя сведены и нанесены на карты въ атласѣ департамента земледѣлія. Здѣсь сопоставляются посѣвныя площади 1895 и 1912 годовъ. И вотъ, оказывается, что изъ общаго числа 532 уѣздовъ европейской Россіи съ сѣвернымъ Кавказомъ, въ 49 у., или почти въ одной десятой общаго числа, посѣвная площадь увеличилась на 50% и болѣе, въ 39 уѣздахъ—на 30—50%, въ 54-хъ на 20—30, въ 81 уѣздѣ на 10—20%. Затѣмъ, въ 131 уѣздѣ, или почти въ одной четверти общаго числа, посѣвная площадь увеличилась не болѣе чѣмъ на 10%, т. е., практически, на болѣе или менѣе незначущую величину; въ 12 уѣздахъ она осталась и вовсе безъ всякаго измѣненія. Затѣмъ идутъ 166 уѣздовъ, или немногимъ менѣе трети общаго числа, гдѣ посѣвная площадь сократилась: въ 49 уѣздахъ на 5% или меньше, въ 52-хъ на 6—10%, въ 26-ти на 11—15, въ 13-ти на 16—20, въ цѣлыхъ 26 уѣздахъ болѣе чѣмъ на 20%. Взглядъ на картограмму съ нанесенными на нее поуѣздными коэффиціентами роста или сокращенія посѣвныхъ площадей показываетъ, что уѣзды съ максимальнымъ ростомъ послѣднихъ опоясываютъ европейскую Россію сплошнымъ полукольцомъ, охватывающимъ весь востокъ, начиная отъ Пермской губерніи, юго-востокъ съ сѣвернымъ Кавказомъ, весь югъ и въ особенности юго-западъ, до Бессарабіи включительно; уѣзды съ убылью посѣвной площади разбросаны по всему какъ черноземному, такъ и нечерноземному центру, чередуясь здѣсь съ районами слабо возросшей или оставшейся безъ измѣненія посѣвной площади; уѣзды съ наибольшимъ процентомъ убыли разбросаны по промышленному центру, приозерной области, сѣверу и прибалтійскимъ губерніямъ. Если сопоставить только что сказанное съ резюмированными выше, въ нѣсколькихъ строкахъ, измѣненіями посѣвныхъ площадей за 1887—95 г.г., то окажется, что процессъ сокращенія посѣвныхъ площадей сдѣлалъ очень рѣшительные успѣхи, распространившись на такія области, какъ прибалтійская, приозерная, даже на сѣверъ, гдѣ еще періодъ 1887—95 г.г. далъ болѣе или менѣе значительный приростъ. Еще краснорѣчивѣе, однако, картограммы съ одними, правда, только погубернскими коэффиціентами, но за то отдѣльно для крестьянскихъ и для владѣльческихъ земель; онѣ позволяютъ конкретизировать существенно-разныя тенденціи количественной эволюціи крестьянскаго и владѣльческаго хозяйства. По отношенію къ *крестьянскимъ* землямъ убыль, и то не рѣзкая, не свыше 10%, обнаруживается въ незначительномъ числѣ

губерній: въ четырехъ изъ московско-промышленныхъ, въ двухъ изъ прибалтійскихъ, въ Олонецкой и—совершенно неожиданно—въ Таврической губерніи. Всѣ остальныя губерніи, кромѣ Костромской, обнаруживаютъ приростъ посѣвной площади; по значительному большинству губерній приростъ этотъ очень невеликъ, не превышая 20%; болѣе значительнымъ приростомъ посѣвныхъ площадей на крестьянскихъ земляхъ характеризуются польскія губерніи, нѣкоторыя изъ южныхъ и изъ средне-черноземныхъ, въ особенности же сплошная полоса, захватывающая весь юго-востокъ европейской Россіи, начиная отъ Уфимской и Оренбургской губерній и кончая губерніями сѣвернаго Кавказа. Гораздо рѣзче и отчетливѣе дифференцируется территорія европейской Россіи по количественной эволюціи запашекъ на *владѣльческихъ* земляхъ. Весь востокъ и югъ, начиная отъ Пермской и кончая Бессарабскою губерніею и захватывая, опять-таки, сѣверный Кавказъ, характеризуется максимальнымъ ростомъ посѣвной площади на владѣльческихъ земляхъ, почти во всѣхъ губерніяхъ превышающимъ 50%; почти весь сѣверъ и почти вся московско-промышленная область со сплошною полосою, протянувшеюся отъ нея на югъ и захватывающею на югѣ Курскую и Черниговскую губерніи, и съ другою, почти сплошною же полосою, протянувшеюся подъ угломъ отъ первой, къ Петрограду и къ Финскому заливу—рѣзкимъ сокращеніемъ посѣвныхъ площадей на владѣльческихъ земляхъ, въ большинствѣ губерній болѣе чѣмъ на 15 и даже болѣе чѣмъ на 20%.

Всѣ приведенныя данныя относятся, однако, къ площадямъ посѣвовъ однѣхъ только «полевыхъ культуръ», т. е. главнымъ образомъ зерновыхъ хлѣбовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ картофеля и двухъ прядильныхъ растеній, т. е. къ тѣмъ 14 видамъ культуръ, которыя наша оффиціальная статистика подвергаетъ сплошному ежегодному учету; цѣлый рядъ культуръ, какъ всѣ посѣвныя травы, свекловица, подсолнухъ, бахчевыя растенія, и др., не входятъ въ приведенныя цифры, и слѣдовательно сокращеніе посѣвныхъ площадей подъ «полевыми культурами» еще не равносильно сокращенію, *вообще*, посѣвныхъ площадей: сокращеніе площади, положимъ, подъ зерновыми хлѣбами можетъ въ той или другой мѣрѣ компенсироваться увеличеніемъ площади подъ кормовыми травами, корнеплодами, кромѣ картофеля, и т. п. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и самый смыслъ нашедшаго себѣ выраженіе въ оффиціальныхъ цифрахъ сокращенія посѣвныхъ площадей можетъ быть весьма различнымъ. Какъ отмѣчается въ текстовыхъ поясненіяхъ къ картограммамъ, «въ различныхъ районахъ сокращеніе общихъ размѣровъ посѣва полевыхъ культуръ обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ, и притомъ по большей части далеко не одинаковыхъ, а именно: сокращеніемъ посѣвовъ хлѣбовъ въ пользу кормовыхъ травъ или естественныхъ луговъ, въ связи съ

развитіемъ скотоводства, сокращеніемъ посѣва тѣхъ же хлѣбовъ въ пользу спеціальныхъ культуръ—сахарной свекловицы, табака, подсолнечника и др., уменьшеніемъ посѣвовъ вслѣдствіе усиленія отхожихъ промысловъ или общаго упадка земледѣлія (что имѣетъ въ наибольшей мѣрѣ мѣсто въ районѣ промышленныхъ губерній), и т. д.». Всѣ эти частныя причины, однако, кромѣ развѣ только, до нѣкоторой степени, одной—усиленія отхожихъ промысловъ, стоящаго въ связи не только съ тѣмъ или другимъ состояніемъ сельскаго и въ частности крестьянскаго хозяйства, но также и съ общею соціально-экономическою эволюціею страны отъ чисто-земледѣльческаго къ земледѣльческо-промышленному типу, могутъ быть сведены къ *одной* общей причинѣ. *кризису пережившихъ себя системъ земледѣльческаго хозяйства, въ* данномъ случаѣ—къ *кризису зернового трехполья;* кризисъ болѣе первобытныхъ системъ—замѣчу здѣсь же, еще доживающихъ свой вѣкъ на югѣ и на востокѣ, нашелъ себѣ выраженіе въ другихъ формахъ. «Въ центрѣ, у крестьянъ, писалъ г. Огановскій въ вышеназванной работѣ, уже къ 80-мъ гг. трехполье достигло своего апогея; идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, крестьянство отвело, наконецъ, подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы, несмотря на продолжающійся приростъ населенія; очевидно, *на пути экстенсивнаго расширенія запашекъ дальше центральному крестьянству идти нельзя; оно уперлось въ стѣну глухую сопротивленія природы истощенію почвенныхъ богатствъ.* На востокѣ еще не вся площадь, доступная распашкѣ, обработана крестьянами, и тамъ крестьяне продолжаютъ идти по первому пути; но глухая стѣна, ставшая на этомъ пути въ центральныхъ районахъ, не далека отъ крестьянъ и на восточныхъ окраинахъ». Иначе обстоитъ дѣло на западѣ: «въ западныхъ интенсивныхъ районахъ крестьяне дошли уже до конца экстенсивнаго расширенія пашни и перешли на болѣе интенсивное хозяйство; не останавливаясь передъ увеличеніемъ новыхъ затратъ труда на ту же площадь, они, безъ боязни истощенія почвы, могутъ даже нѣсколько увеличивать свои посѣвы». Это все относится къ крестьянскому хозяйству. «У частныхъ владѣльцевъ—говоритъ далѣе г. Огановскій—посѣвная площадь сократилась не только въ центрѣ, но и на нѣкоторыхъ западныхъ окраинахъ: въ районахъ приозерномъ, прибалтійскомъ, юго-западномъ, малороссійскомъ. Сокращеніе посѣвовъ въ этихъ районахъ—полагаетъ названный авторъ—указываетъ, что при интенсификаціи земледѣлія оно становится невыгоднымъ крупному капиталистическому хозяйству. Самый большой приростъ посѣвовъ у частныхъ владѣльцевъ наблюдается въ экстенсивныхъ, рѣдко населенныхъ районахъ. Но и ему положенъ предѣлъ, который и здѣсь уже не за горами».

Я цѣликомъ подписываюсь подъ словими г. Огановскаго, поскольку рѣчь идетъ о крестьянскомъ хозяйствѣ. Что касается до владѣльческаго, то здѣсь, я думаю, г. Огановскій не совсѣмъ правъ: сокращеніе посѣвныхъ площадей у владѣльцевъ (какъ и у прибалтійскихъ крестьянъ)—*не симптомъ регресса* владѣльческаго хозяйства, а скорѣе *симптомъ приспособленія* его къ измѣняющимся условіямъ,—симптомъ преобразованія его изъ зернового, по преимуществу, въ иныя формы, характеризуемыя меньшею долею «полевыхъ культуръ» и большею ролью, съ одной стороны, другихъ культуръ, а съ другой животноводства. Что это такъ,—въ этомъ, независимо отъ всего прочаго, убѣждаютъ приводимыя ниже данныя о движеніи урожайности во владѣльческомъ хозяйствѣ сравнительно съ крестьянскимъ.

Я не буду, однако, останавливаться на этомъ разногласіи, имѣющемъ, съ точки зрѣнія задачъ настоящаго очерка, лишь второстепенное значеніе. Основная суть вопроса—*кризисъ трехпольнаго хозяйства въ центрѣ и на сѣверѣ*, и облекающійся въ другія формы *кризисъ первобытнаго залежнаго хозяйства на югѣ и на юго-востокѣ*. Въ очеркѣ, имѣющемъ въ виду, болѣе или менѣе исключительно, читателей-агрономовъ, вообще людей, близко стоящихъ къ сельскому хозяйству и къ агрономической помощи, мнѣ нѣтъ никакой надобности останавливаться на сущности этого кризиса,—я могу предполагать ее извѣстною моему читателю лучше, чѣмъ она извѣстна мнѣ. Я, слѣдовательно, могу перейти непосредственно къ вопросу о дальнѣйшихъ перспективахъ, раскрывающихся передъ русскимъ сельско-хозяйственнымъ промысломъ, въ частности—передъ наиболѣе интересующею и меня, и конечно, моего читателя, его вѣтвью—передъ русскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Еще не такъ давно или, вѣрнѣе, очень недавно, перспективы эти казались чуть-чуть что не безнадежными. Наше владѣльческое хозяйство, пережитокъ крѣпостныхъ временъ, представлялось намъ, силою вещей, осужденнымъ на скорую гибель. Что касается до крестьянскаго хозяйства, то мы знали и очень охотно разговаривали о московскомъ или вятскомъ травосѣяніи, кое что знали о развившемся на сѣверѣ промышленномъ льноводствѣ, кое-что знали о проникновеніи въ южно-русское крестьянское хозяйство свекловичной культуры и о ея реформирующемъ вліяніи на общій строй хозяйства. Но все это казалось намъ какими-то едва замѣтными оазисами среди безотрадной пустыни нехозяйственности и некультурности, какими то одиноко мерцающими свѣтлыми пятнышками на мрачномъ фонѣ сельско-хозяйственнаго застоя и регресса. Если оффиціальныя цифры урожаевъ говорили намъ о какомъ-то движеніи впередъ, мы—я уже упоминалъ объ этомъ—принимали эти цифры какъ нѣчто вполнѣ «неожиданное»,—мы не рѣшались вѣрить этимъ цифрамъ. Да и самыя цифры урожаевъ, взятыя изъ разныхъ

источниковъ, при взаимномъ сопоставленіи приводили къ какимъ-то неопредѣленнымъ результатамъ, въ значительной мѣрѣ усиливавшимъ наши безотрадныя представленія о положеніи русскаго сельскаго хозяйства, въ противоположность побѣдному шествію культурнаго хозяйства западно-европейскихъ странъ. Возьмемъ, напримѣръ, превосходную книгу проф. В. Э. Дена—1-ую часть его «Очерковъ по экономической географіи», посвященную сельскому хозяйству, гдѣ дана тщательная сводка всѣхъ имѣющихся данныхъ объ урожаяхъ. Здѣсь, сначала, приводятся извѣстныя данныя А. Ф. Фортунатова объ урожаяхъ ржи, и изъ нихъ дѣлается вполнѣ правильный выводъ, что «урожаи ржи въ теченіи XIX в. оставались у насъ, въ общемъ, стаціонарными»; затѣмъ берутся массовыя данныя центральнаго статистическаго комитета за время съ 1883 по 1905 годъ, и изъ нихъ дѣлается болѣе утѣшительный выводъ—что «за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ растеній, урожаи у насъ за разсматриваемое время прогрессивно расли». Однако, такой выводъ получается лишь при сопоставленіи подсчетовъ за два періода, сдѣланныхъ самимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Сдѣланный самимъ В. Э. Деномъ провѣрочный подсчетъ по пятилѣтіямъ «представляетъ развитіе урожайности въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ. Правда—говоритъ проф. Денъ,—что урожайность картофеля расла все время, за исключеніемъ послѣдняго пятилѣтія (1901—6); но для 11 хлѣбовъ мы получаемъ другую картину. въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій урожайность ихъ растетъ, но затѣмъ она начинаетъ падать и въ послѣднее пятилѣтіе 1901—5 г.г. вновь доходитъ до уровня второй половины 80-хъ г.г.». Опять «болѣе благопріятную картину» даетъ подсчетъ корреспондентскихъ свѣдѣній бывшаго министерства земледѣлія,—урожайность всѣхъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ даетъ, за время съ 1881 по 1900 г., довольно правильное повышеніе. Конечный же выводъ проф. Дена,—«что въ теченіе XIX столѣтія урожаи въ Россіи оставались, повидимому, въ стаціонарномъ положеніи, и что если и произошло нѣкоторое ихъ повышеніе (самый фактъ повышенія остается, такимъ образомъ, подъ вопросомъ. А. К.), то только за послѣднія десятилѣтія».

Съ рискомъ нѣкотораго нарушенія стройности моего изложенія я скажу еще нѣсколько словъ по поводу нашего хлѣбнаго вывоза. Извѣстно, что вывозъ этотъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія, совершенно незначительный, начинаетъ быстро расти начиная съ 60-хъ г.г., и съ тѣхъ поръ растетъ непрерывно, хотя,—замѣчу мимоходомъ,—въ далеко меньшей пропорціи, нежели вывозъ изъ заокеанскихъ странъ. По подсчетамъ того же В. Э. Дена, средній вывозъ всѣхъ хлѣбовъ по десятилѣтіямъ, начиная съ 1801—10 и кончая 1890—900 г.г., и за пятилѣтіе 1901—5 г.г. выразился въ такихъ цифрахъ: 14—18—18—

24—22—42—66—110—243—360—442—609 милліоновъ пудовъ. Мнѣ, опять-таки, нѣтъ надобности напоминать о тѣхъ—конечно вполнѣ правильныхъ—разсчетахъ и соображеніяхъ, изъ которыхъ дѣлался выводъ, что хлѣбный вывозъ нашъ, получившій первый толчекъ благодаря начавшемуся въ 60-хъ г.г. сооруженію желѣзныхъ дорогъ, затѣмъ стимулировавшійся, съ одной стороны, развитіемъ морского парового транспорта и всей вообще техники хлѣбныхъ перевозокъ и хлѣбной торговли, а съ другой—политикой правительства, въ частности политикою таможенною и тарифно-желѣзнодорожною, диктовавшеюся какъ соображеніями торговаго баланса, такъ, въ той или другой мѣрѣ, интересами вліятельнаго крупно-помѣстнаго класса; что этотъ вывозъ, говорю я, росъ гораздо быстрѣе, нежели росло хлѣбное производство, и что, слѣдовательно, ростъ его происходилъ въ ущербъ внутреннему потребленію хлѣба, въ частности, конечно, потребленію народныхъ, главнымъ образомъ крестьянскихъ, массъ. Мнѣ кажется, однако, небезполезнымъ привести погодныя цифры вывоза за время начиная съ 1901 года, съ расчлененіемъ его, по крайней мѣрѣ, по четыремъ категоріямъ главнѣйшихъ хлѣбовъ. Вотъ эти цифры:

Года.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Прочіе хлѣба.	Всего.
1901.	138	83	77	80	52	430
1902.	186	98	104	63	95	542
1903.	254	82	146	59	70	609
1904.	281	60	152	54	61	607
1905.	294	60	138	127	39	657
1906.	220	65	149	70	44	549
1907.	142	45	133	26	87	433
1908.	89	24	161	29	65	367
1909.	314	36	219	75	77	721
1910.	375	40	245	84	65	809
1911.	240	54	262	85	130	771
1912.	161	31	168	51	47	498

Не входя въ подробности, отмѣчу только то, что наиболѣе существенно съ точки зрѣнія задачъ настоящаго очерка: именно, что несомнѣнный—несмотря на чрезвычайно рѣзкія погодныя колебанія—общій ростъ нашего хлѣбнаго вывоза цѣликомъ относится насчетъ пшеницы, ячменя и считанной въ числѣ «прочихъ хлѣбовъ» кукурузы,—т. е. за счетъ тѣхъ хлѣбовъ, которые характерны, главнымъ образомъ, для степныхъ районовъ черноземной полосы и которые (въ частности пшеница) въ значительно большей долѣ производятся во владѣльческомъ хозяйствѣ, нежели въ крестьянскомъ. Что касается до тѣхъ двухъ хлѣбовъ, которые характерны для трехпольной по-

лосы, какъ черноземной, такъ и нечерноземной, именно овса и ржи, то вывозъ перваго держится, въ общемъ, почти-что на одномъ уровнѣ, съ нѣкоторою однако слабою тенденціею къ пониженію, вывозъ же ржи—этого главнаго трехпольнаго и въ еще большей мѣрѣ—главнаго крестьянскаго хлѣба, въ то же время главнаго пищевого хлѣба нашихъ народныхъ массъ, правильно сокращается, въ послѣдніе же года упалъ до совершенно ничтожной величины.

Съ точки зрѣнія задачъ настоящаго очерка не менѣе или даже, можетъ быть, еще болѣе характерно другое: что пищевые хлѣба—пшеница и рожь—вывозятся почти исключительно въ зернѣ; вывозъ пшеничной муки колеблется, безъ какой-либо опредѣленной тенденціи вверхъ или внизъ, между 3,5 и 7,3 милліонами пудовъ, вывозъ ржаной, за тѣ же 13 лѣтъ, выразился въ такихъ погодныхъ цифрахъ: 9—10—11—12—7—7 ½—6—6—7—5 ½—9—6 милл. пудовъ; слѣдовательно, за послѣдніе года онъ даже упалъ по сравненію съ первыми годами XX вѣка. Не говоря уже о тѣхъ милліонахъ, которые мы теряемъ, отдавая перемолъ нашего зерна въ руки иностранцевъ, мы вмѣстѣ съ пищевымъ продуктомъ вывозимъ десятки милліоновъ пудовъ отбросовъ—отрубей и т. п., которые мы, значитъ, отдаемъ задаромъ, и которые мы, между тѣмъ, могли бы использовать въ качествѣ цѣннаго корма для нашего скота. Этого мало· мы не только вывозимъ имѣющіе получиться отбросы вмѣстѣ съ неперемолотымъ зерномъ, но вывозимъ и отруби отъ того хлѣба, который перемалываемъ для внутренняго потребленія, и притомъ, въ послѣдніе годы, въ все растущемъ количествѣ: въ погодныхъ цифрахъ, именно, вывозъ отрубей за время съ 1901 по 1910 г. выражался въ такихъ неправильно колеблющихся цифрахъ: 32—30—36—38—36—39—35—32—39—38 милліоновъ, въ 1911 и 1912 г.г. достигалъ 49 и 51 милліона пудовъ. Въ рѣзко растущихъ количествахъ мы вывозимъ и выжимки изъ масличныхъ сѣмянъ: въ 1887 г. ихъ вывезено было еще только 5469 тыс. пуд., въ 1891 г. 10140 тыс., въ 1898 г. уже 20814 тыс. пудовъ; за время съ 1901 по 1912 г. вывозъ выжимокъ выражается въ такихъ погодныхъ цифрахъ: 23,5—23,5—28,5—30—27—32—32—40—38—35—40—42 милліоновъ пудовъ. Десятки милліоновъ пудовъ цѣннаго корма, прямо, можно сказать, вырваннаго у собственнаго скота и отданнаго за безцѣнокъ для прокорма скота въ чужихъ странахъ!.. Едва ли можетъ быть болѣе яркій показатель того, на какомъ, всетаки, еще низкомъ уровнѣ стоитъ наше хозяйство вообще и животноводство въ частности...

И однако, наше хозяйство, и въ частности, земледѣліе, не стоитъ на мѣстѣ, а неуклонно и замѣтно прогрессируетъ. Это неопровержимо доказывается данными объ урожаяхъ, если ихъ взять въ общей перспективѣ за послѣдніе полвѣка. Ниже мнѣ придется довольно подробно говорить объ урожаяхъ, теперь же я приведу только нѣсколько

наиболѣе характерныхъ цифръ, которыя заимствую изъ текстовыхъ поясненій къ урожайнымъ картограммамъ атласа. Вотъ среднія цифры сбора всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ съ десятины посѣва, по 50 губерніямъ европейской Россіи, за пять послѣдовательныхъ десятилѣтій:

	На земляхъ крестьянск. надѣльныхъ	На земляхъ частныхъ владѣльцевъ
	пудовъ.	
1861—70 г.	29	33
1871—80 г.	31	37
1881—90 г.	34	42
1891—900 г.	39	47
1901—10 г.	43	54

Средній урожай, такимъ образомъ, неуклонно растетъ и на владѣльческихъ, и на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, и притомъ (впослѣдствіи я покажу это на относительныхъ числахъ) въ послѣднія два десятилѣтія разсматриваемаго періода быстрѣе, нежели въ первой его половинѣ; какъ бы много ни относить на счетъ случайныхъ колебаній урожаевъ; какъ бы скептически ни относиться къ степени точности данныхъ урожайной статистики,—неуклонный ростъ цифръ, притомъ воспроизводящійся, какъ мы увидимъ дальше, и въ порайонныхъ среднихъ, и въ погубернскихъ и даже поѣуздныхъ данныхъ, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ, и весьма замѣтномъ, не меньшемъ, нежели въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ западной Европы, *повышеніи дѣйствительной урожайности*. Вотъ еще, въ дополненіе къ приведеннымъ, цифры, показывающія распредѣленіе губерній по высотѣ средняго урожая ржи, какъ у крестьянъ, такъ и у владѣльцевъ, въ два послѣдовательныхъ періода: 1881—94 и 1894—1912 г.г.:

Группы со среднимъ урожаемъ.	Владѣльч. земли 1881—1894	Владѣльч. земли 1895—1912	Крестьянск. земли 1881—1894	Крестьянск. земли 1895—1912
	число губерній.			
Ниже 40 пуд.	3	2	13	4
40—44 »	8	2	17	11
45—49 »	10	2	13	10
50—54 »	14	9	6	11
55—59 »	7	9	5	12
60—64 »	4	9	1	6
65 и бол. пуд.	9	27	—	6

Въ періодъ 1881—94 г.г. 21 губернія дала средній урожай на владѣльческихъ земляхъ ниже 50 пудовъ, въ 1895—912 г.г. уже только 6 губерній; средній урожай на крестьянскихъ земляхъ въ первомъ изъ этихъ періодовъ былъ въ 30 губерніяхъ ниже 45 пудовъ, во вто-

ромъ уже только въ 15 губерніяхъ. Средній урожай въ 60 пудовъ и выше въ 1881—1894 г.г. получился на владѣльческихъ земляхъ въ 13 губерніяхъ, въ 1895—1912 уже въ 36-ти; крестьянскія земли въ первомъ изъ указанныхъ періодовъ дали такой урожай только въ одной, во второмъ, какъ никакъ, уже въ 12-ти губерніяхъ. Всего этого не могло бы быть, если бы русское сельское хозяйство, и въ частности крестьянское, въ самомъ дѣлѣ, представляло такую картину полнаго застоя. Оно несомнѣнно прогрессируетъ, и этотъ прогрессъ можетъ быть установленъ при помощи массоваго статистическаго матеріала.

Остановимся, прежде всего, на одномъ симптомѣ, которому нѣкоторые экономисты (назову въ томъ числѣ такого крупнаго, какъ П. П. Масловъ), склоны приписывать рѣшающую роль, но за которымъ я лично признаю лишь второстепенное или даже третьестепенное значеніе: на прогрессирующемъ *распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій* заводскаго производства и болѣе сложныхъ *сельско-хозяйственныхъ машинъ*. Вотъ характерныя, въ данномъ направленіи, цифры, которыя мы находимъ въ новомъ атласѣ департамента земледѣлія: общая сумма стоимости внутренняго производства сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводскаго типа (не считая, значитъ, кустарныхъ мастерскихъ, производство которыхъ тоже выражается, конечно, многими милліонами), еще въ 1896 г. не достигала полныхъ десяти милліоновъ рублей; въ 1912 г. она выразилась впятеро большею цифрой—53 милліона. Стоимость общаго привоза орудій и машинъ изъ заграницы выразилась въ каждый изъ годовъ періода 1895—912 г.г. въ такихъ погодныхъ цифрахъ: 10—10—7 ½—11—14—16—18—20—28—20,5—20—20—28—28—40—42—55—59 милл. рублей. Перевозка орудій и машинъ по желѣзнымъ дорогамъ въ каждый изъ годовъ того же періода достигала 2,9—4,5—4,3—5,8—7,0—8,2—8,9—12,9—13,2—14—16—18 ½—21 ½—24 ½—28—30 милліоновъ пудовъ. Фактъ быстраго распространенія усовершенствованныхъ орудій и машинъ, въ частности заграничныхъ, является такимъ образомъ, твердо установленнымъ, при чемъ какъ ввозъ тѣхъ и другихъ изъ заграницы, такъ, до нѣкоторой степени, и перевозки, обнаруживаютъ особенно рѣзкій ростъ какъ разъ въ самые послѣдніе годы.

Какъ я, однако, уже сказалъ, я далекъ отъ того, чтобы считать распространеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ безусловно прогрессивнымъ и безусловно желательнымъ явленіемъ. Я всецѣло стою на той точкѣ зрѣнія, которая противополагаетъ орудія и машины, *улучшающія почву* или вообще длящимся образомъ повышающія ея производительность,— и орудія и машины *только ускоряющія и облегчающія работу*, сберегающія и замѣняющія живой трудъ, повышающія его производительность. Къ этой, второй категоріи, какъ извѣстно,

принадлежатъ прежде всего уборочныя машины: косилки, жнеи, конныя и паровыя молотилки, не говоря о всякихъ свеклокопателяхъ и разнообразныхъ другихъ орудіяхъ второстепеннаго значенія; но затѣмъ также и тѣ виды пахатныхъ орудій, которыя я—съ точки зрѣнія принятой технической терминологіи, кажется, неправильно—отнесу къ общей категоріи скоропашекъ; изъ послѣднихъ заслуживаетъ особаго упоминанія сыгравшій такую видную роль въ эволюціи южно-русскаго экстенсивнаго земледѣлія буккеръ, затѣмъ—и разнообразные типы многолемешныхъ плуговъ, дающіе чрезвычайно ускоренную, хотя, можетъ быть, въ тоже время, и качественно лучшую противъ «бытовыхъ» орудій работу. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на всѣхъ непосредственныхъ выгодахъ, доставляемыхъ орудіями и машинами даннаго типа, если оцѣнивать ихъ значеніе съ частно-хозяйственной точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія ближайшихъ интересовъ и выгодъ хозяина-предпринимателя, будетъ ли это предприниматель чисто капиталистическаго или болѣе менѣе чистаго крестьянскаго типа. Мнѣ важно подчеркнуть, что орудія и машины этого типа ни въ какой или въ сравнительно ничтожной (многолемешные плуги) мѣрѣ способствуютъ улучшенію земли или длящемуся повышенію ея производительности; что примѣненіе ихъ лишь въ ничтожной мѣрѣ вызывается техническими потребностями хозяйства (сѣнокосилки на ковыльныхъ и т. п. степяхъ!). Мнѣ важно подчеркнуть и нѣчто большее—именно, что въ условіяхъ экстенсивнаго хозяйства орудія и машины этого типа, именно въ силу органически-присущаго имъ свойства сберегать и замѣщать трудъ, въ силу доставляемой такими изъ нихъ, какъ буккера или многолемешные плуги, возможности расширять запашки далеко за предѣлы того, что было бы мыслимо, съ тою же затратою человѣческаго труда и силы животныхъ, при другихъ медленнѣе работающихъ орудіяхъ; что они, въ силу всего этого, являются въ рѣдконаселенныхъ мѣстностяхъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ не двигателями сельско-хозяйственнаго прогресса, а «орудіями усовершенствованнаго хищничества» (Коржинскій). Основное свойство экстенсивнаго хозяйства въ многоземельныхъ районахъ, какъ крестьянскаго, такъ и капиталистическаго, это стремленіе, во что бы то ни стало, вширь: какъ можно шире распахаться, и притомъ такъ, чтобы взять съ болѣе или менѣе свѣжей земли какъ можно больше, затрачивая какъ можно меньше труда на обработку и ни мало не помышляя о томъ, какъ такое хозяйничанье отразится на производительной способности земли,—вотъ девизъ хозяйства этого типа. При первобытныхъ, медленно работающихъ орудіяхъ это стремленіе вширь, органически сливающееся съ чисто «пѣнкоснимательскими» тенденціями хозяйства, находило себѣ нѣкоторую сдержку въ медленности пахоты; при ручной уборкѣ хлѣба, серпомъ или косою, и при молотьбѣ цѣпомъ или иными первобыт-

ными способами оно встрѣчало еще энергичнѣе дѣйствующую сдержку въ ограниченной, при рѣдкости населенія, возможности достать рабочихъ для уборки и молотьбы и во всегда грозящей опасности либо остаться вовсе безъ рабочихъ, либо достать ихъ по несообразнымъ цѣнамъ, могущимъ поглотить всю прибыль хозяйства. Скоропашущія орудія въ нѣсколько разъ ускоряютъ работу,—слѣдовательно даютъ, такъ сказать, физическую возможность съ даннымъ числомъ постоянныхъ рабочихъ и рабочаго скота распахать въ нѣсколько разъ большую площадь; главное же, съ распространеніемъ уборочныхъ машинъ исчезаетъ упомянутая только-что экономическая сдержка со стороны могущаго грозить недостатка рабочихъ рукъ: сколько ни засѣй—машины все сожнутъ, и свяжутъ, и обмолотятъ. Повторяю—благодаря сказанному, улучшенный инвентарь разсматриваемаго типа является однимъ изъ стимуловъ, способствующихъ обострению хищническаго характера хозяйства, и такое его вредное вліяніе едва-ли перевѣшивается,—скажу прямо: несомнѣнно, далеко не перевѣшивается такими техническими и экономическими выгодами, какъ возможность использовать благопріятную погоду для уборки, съ любою скоростью обмолотить хлѣбъ и такимъ образомъ использовать выгодный моментъ для его продажи, и т. п.

На значеніи орудій и машинъ другого типа—улучшающихъ землю или инымъ путемъ способствующихъ повышенію ея производительности или качества продукта, мнѣ, при предполагаемомъ мною составѣ читателей, нѣтъ надобности останавливаться,—мнѣ пришлось бы повторять слишкомъ азбучныя вещи. Сказаннаго о роли орудій и машинъ перваго типа, поэтому, достаточно, чтобы стало ясно, что гораздо большій интересъ, чѣмъ общая масса входящихъ въ употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ страны сельско-хозяйственныхъ машинъ и улучшенныхъ орудій заводскаго производства, представляетъ распредѣленіе ихъ по категоріямъ. Приведу нѣсколько характерныхъ цифръ, заимствованныхъ, опять таки, изъ атласа сельско-хозяйственнаго вѣдомства. Изъ общей массы ввоза—оказывается—лишь сравнительно небольшая часть приходится на землеобработочныя орудія: за пятилѣтіе 1898—902 г.г. 2,6 милліоновъ изъ 13,3 милліоновъ пудовъ, за слѣдующее пятилѣтіе 3,6 изъ 22-хъ, за пятилѣтіе 1908—12 г.г. 5,4 милліона изъ 39 милл. пудовъ всей суммы ввоза орудій и машинъ. Изъ общей стоимости внутренняго производства, выразившейся въ 1912 г., какъ мы видѣли, 52 милліонами рублей, на долю орудій по обработкѣ земли приходится 19,9 %, на долю сѣялокъ 15,8, зерноочистительныхъ и сортировочныхъ машинъ 4,7 %; значитъ, всего на долю орудій и машинъ, въ той или иной мѣрѣ способствующихъ улучшенію культуры, приходится 40 % общей стоимости внутренняго производства, тогда какъ 46 % приходится на долю уборочныхъ машинъ и молотилокъ.

Какъ отчасти видно изъ сказаннаго выше, даже и улучшенныя землеобработочныя орудія—далеко не всегда синонимъ повышенія культурнаго уровня хозяйства; сплошь и рядомъ и они являются такими-же «орудіями усовершенствованнаго хищничества». Что это такъ,—что, значитъ, распространеніе даже землеобработочныхъ орудій заводскаго производства, само по себѣ, далеко не тождественно съ прогрессомъ сельскаго хозяйства,—въ этомъ нетрудно убѣдиться хотя-бы изъ данныхъ о географическомъ распространеніи орудій этого рода, какъ оно представлено на двухъ картограммахъ нашего атласа, на основаніи обслѣдованія, произведеннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1910 году. Мѣстности съ максимальнымъ распространеніемъ улучшенныхъ орудій для обработки почвы, въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ (въ главной массѣ уѣздовъ свыше 90% всѣхъ орудій) какъ-бы полумѣсяцемъ охватываютъ всю восточную, южную и юго-западную Россію, захватывая такимъ образомъ, съ одной стороны, наиболѣе далеко ушедшія впередъ, по пути интенсификаціи сельско-хозяйственнаго производства, юго-западныя губерніи, съ другой—весь степной югъ и юго-востокъ съ сѣвернымъ Кавказомъ,—все мѣстности съ еще доживающимъ свой вѣкъ первобытнымъ залежнымъ хозяйствомъ.

Перейдемъ теперь къ другому фактору, который въ нечерноземной полосѣ уже издавна сталъ одною изъ основъ земледѣльческаго хозяйства, въ черноземной же является, пока, однимъ изъ наиболѣе насущныхъ прогрессивныхъ моментовъ,—къ навозному удобренію. Къ сожалѣнію, какъ разъ по данному вопросу новое изданіе департамента земледѣлія не даетъ ничего, кромѣ перепечатки картограммы, помѣщенной въ вышедшемъ въ 1910 г. X выпускѣ «Сел.-хоз. стат. свѣдѣній по матеріаламъ полученнымъ отъ хозяевъ» и изображающей распространенность названнаго удобренія «въ концѣ XIX вѣка», по даннымъ спеціальной анкеты, произведенной въ 1897 г. Это, конечно, крупнѣйшій пробѣлъ въ данномъ изданіи,—пробѣлъ, который надо, очевидно, отнести не на счетъ редакторовъ атласа, сводившихъ въ своей работѣ матеріалъ, какой имѣлся на лицо, а на счетъ департамента земледѣлія, которому, казалось бы, давно слѣдовало вновь произвести хотя-бы такую же анкету по вопросу о распространенности унаваживанія, какая была произведена въ 1897 году. Приходится опираться, съ одной стороны, на порядочно устарѣвшія данныя этой анкеты, съ другой—на болѣе или менѣе отрывочныя указанія, имѣющіяся, главнымъ образомъ, въ изданіяхъ основной и текущей земской статистики, частью—въ текущей статистикѣ сельско-хозяйственнаго вѣдомства, хотя бы въ той ихъ сводкѣ, какую даетъ В. В. Морачевскій въ уже цитированной, изданной тѣмъ-же департаментомъ земледѣлія, работѣ «Успѣхи крестьянскаго

хозяйства въ Россіи». Уже и эти данныя, однако, даютъ опредѣленную картину происходящаго въ данной области поступательнаго движенія. Читателю, конечно, памятно, что до середины 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія граница области господства удобренія, въ частности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, почти совпадала съ южною границею нечерноземной полосы. На черноземѣ потребность въ удобреніи не ощущалась сколько нибудь остро, и удобреніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти не практиковалось. Мало того: не только среди крестьянъ, но и въ интеллигентныхъ кругахъ, господствовало убѣжденіе, что черноземъ «навоза не принимаетъ», —что унаваживаніе чернозема скорѣе вредно, чѣмъ полезно (полеганіе хлѣба, выгараніе при засухахъ); отъ этого убѣжденія не были свободны даже многіе изъ агрономовъ, и оно имѣло для себя нѣкоторую почву въ томъ, что сложившаяся на иныхъ почвахъ агрономическая наука не имѣла случая выработать подходящей для черноземныхъ почвъ техники навознаго удобренія. И не только среди крестьянъ, но и среди народолюбивой интеллигенціи, широко распространено было убѣжденіе, что распространеніе навознаго удобренія встрѣчаетъ чуть не непреоборимое препятствіе и въ экономическихъ условіяхъ: нельзя навозить, потому что навозъ нуженъ на топливо; нельзя навозить, потому что бѣдность заставляетъ продавать навозъ въ помѣщичьи экономіи. Обострившійся кризисъ безнавознаго трехполья повелъ за собою замѣтное измѣненіе положенія вещей. «Къ концу 90-хъ г.г.—такъ резюмируетъ В. В. Морачевскій данныя упомянутой анкеты 1897 года—«область не только частаго, но мѣстами даже повсемѣстнаго примѣненія у крестьянъ землеудобренія далеко уже перешла пограничную черту черноземныхъ почвъ, особенно въ районѣ центральныхъ земледѣльческихъ губерній—Орловской, Тульской, Рязанской и Тамбовской, а также смежной Нижегородской. Къ числу мѣстностей, гдѣ навозное удобреніе практиковалось уже многими крестьянами, въ 1897 г. относилась на югѣ почти вся Волынская губернія, сѣверная часть Черниговской, отдѣльные районы Орловской губерніи, вся Тульская, почти вся Рязанская, сѣв.-зап. часть Тамбовской и сѣв.-зап. часть Пензенской, вся Нижегородская, сѣв.-зап. часть Казанской, почти вся Вятская и большая часть Пермской. Граница нижняго яруса, гдѣ удобреніе производилось только нѣкоторыми крестьянами, проходила по сѣверо-западу Бессарабской губерніи, серединѣ Подольской, Кіевской, Полтавской, сѣверу Харьковской, юго-востоку Курской, сѣв.-западу Воронежской, юго-востоку Тамбовской и Пензенской, захватывая сѣверную окраину Саратовской губерніи и, далѣе, довольно круто поднимаясь къ сѣверу по серединѣ Симбирской губерніи, направляясь затѣмъ по юго-востоку Казанской, сѣверо-западу Самарской и сѣверу Уфимской губерніи». Область примѣненія навознаго удобренія въ той

или другой части владѣльческихъ хозяйствъ распространялась еще гораздо дальше на югъ, захватывая сѣверъ Херсонской, всю Таврическую, всю Екатеринославскую и Харьковскую губернію. Совершенно не захваченною этимъ движеніемъ и въ то время оставалась, остается, кажется, и по сейчасъ, только юго-восточная окраина европейской Россіи, захватывающая всю Донскую область, почти всю Самарскую, всю Оренбургскую и юго-восточные уѣзды Пермской губерніи. Конечно, движеніе не остановилось и на этомъ. «За послѣднее десятилѣтіе—пишетъ г. Морачевскій въ упомянутой своей работѣ—область какъ болѣе или менѣе широкаго распространенія навознаго удобренія у крестьянъ, такъ и только перваго его появленія», первыхъ опытовъ унаваживанія черноземной почвы, «посколько позволяютъ судить имѣющіяся отрывочныя свѣдѣнія, еще болѣе расширилась въ направленіяхъ къ югу и юго-востоку европейской Россіи». Вотъ, въ видѣ примѣра, нѣкоторыя изъ приводимыхъ г. Морачевскимъ характерныхъ сообщеній; «среди крестьянъ съ каждымъ годомъ замѣчается все болѣе и болѣе сильное стремленіе къ унаваживанію полей; еще пять лѣтъ тому назадъ крестьяне охотно продавали и вывозили свой навозъ на владѣльческія земли, теперь же они стараются использовать его у себя и сбываютъ лишь самый плохой». Это сообщеніе—изъ Путиловскаго уѣзда, Курской губ. Въ Кобелякскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., «въ послѣдніе годы примѣненіе для удобренія пашни навоза является уже вполнѣ обычнымъ, такъ какъ польза навознаго удобренія стала крестьянамъ вполнѣ очевидной». Въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковск. губ., «навозное удобреніе находитъ себѣ примѣненіе въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ,—не удабривается земля лишь тамъ, гдѣ навозъ продается въ частныя экономіи, или участки, слишкомъ удаленные отъ селъ, наконецъ тамъ, гдѣ его не хватаетъ на всю площадь эксплоатируемой пашни». Въ Бирскомъ уѣздѣ, Уфимск. губ., «въ послѣднее время крестьяне начали сознавать пользу удобренія полей навозомъ и стремятся примѣнять послѣдній хотя бы на ближайшихъ къ усадьбѣ поляхъ», и т. д. Характерный фактъ, мнѣ, какъ профессіональному статистику, говорящій чрезвычайно много: во всѣхъ подворныхъ статистическихъ формулярахъ, по которымъ производились, въ послѣднее время, переписи крестьянскаго хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ (Харьковская, Полтавская губерніи, въ 1915 г. Донская область), мы находимъ болѣе или менѣе детально разработанные вопросы, касающіеся вывозки навоза на поля. Какихъ нибудь 15—20 лѣтъ тому назадъ въ такихъ вопросахъ не было бы ни надобности, ни смысла.

Наряду съ навознымъ, быстрые успѣхи стало дѣлать въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ самое послѣднее время, и искусственное удобреніе,—конечно, въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ такими яв-

леніями, какъ свекловичная культура на югѣ, какъ промышленное льноводство и клеверосѣяніе въ нечерноземной полосѣ и т. п. Еще недавно примѣненіе искусственныхъ удобреній въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ хотя и прогрессировало, но чрезвычайно медленно. Такъ, ввозъ удобрительныхъ туковъ изъ заграницы возросъ, за время съ 1899 по 1906 г., всего лишь съ 5,8 до 7,8 милл. пудовъ; размѣры перевозокъ искусственнныхъ удобреній по желѣзнымъ дорогамъ съ 1901 по 1906 г. включительно колебались между 13,3 и 14,7 милл. пудовъ, не обнаруживая опредѣленной тенденціи роста. Быстрый ростъ примѣненія искусственныхъ удобреній начинается только съ 1906—1907 г.г.: погодныя цифры ввоза, съ 1907 по 1912 г., были 9,4—10,2—15,4—22,8—26,4—35,3 милл. пудовъ, причемъ, въ отдѣльности, ввозъ суперфосфата, еще въ 1908 г. не превышавшій съ небольшимъ двухъ милліоновъ пудовъ, въ 1912 г. достигаетъ 11 ½, ввозъ томасъ-шлака, за то же время, поднимается съ 4 съ небольшимъ до 10 ½ милліоновъ пудовъ. Погодныя цифры перевозки искусственныхъ удобреній по желѣзнымъ дорогамъ, за время съ 1907 по 1911 годъ, были такія: 17,1—19,6—23,5—29,3—33,3 милл. пудовъ. Росло, хотя, къ сожалѣнію, въ ничтожной пропорціи, и внутреннее производство искусственныхъ удобреній: производство суперфосфата съ 1907 по 1911 г. возросло съ 4,1 до 5,3 милл. пудовъ, томасъ-шлака, за тоже время, съ 1,1 до 1,7 милл., производство фосфоритной муки, за время съ 1907 по 1912 г., съ 210 до 520 тыс. пудовъ. Потребленіе калійныхъ удобреній въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, выраженное въ пудахъ чистаго калія, съ 1908 по 1912 г., возросло съ 375 до 1491 тыс. пудовъ, причемъ, однако, изъ этого послѣдняго количества на долю всей коренной Россіи приходилось менѣе 200 тыс., на Прибалтійскій край около 430 тыс., все же остальное, около 780 тыс. пудовъ чистаго калія, было потреблено сельскимъ хозяйствомъ царства Польскаго. Конечно, главная масса искусственныхъ удобреній примѣняется, пока, во владѣльческомъ хозяйствѣ, но понемногу «порошки» начинаютъ проникать и въ толщу крестьянскаго хозяйства. «Хотя примѣненіе искусственнаго минеральнаго и органическаго землеудобренія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, говоритъ тотъ же г. Морачевскій въ уже цитированной работѣ, все еще не получило, въ общемъ, большого развитія,—тѣмъ не менѣе, за послѣднее время, по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ нечерноземной полосы Россіи, въ этомъ отношеніи у крестьянъ наблюдается весьма значительный прогрессъ». Мы видѣли, что центромъ примѣненія искусственныхъ удобреній являются Польша и Прибалтійскій край,—естественно, что и среди крестьянъ «особенно широкое примѣненіе получило или начинаетъ получать искусственное удобреніе въ губерніяхъ прибалтійскихъ» и въ непосредственно прилегающихъ къ царству Польскому «литовскихъ, бѣлорусскихъ, затѣмъ и въ большинствѣ промышленныхъ и приозер-

ныхъ, приуральскихъ и нѣкоторыхъ центральныхъ земледѣльческихъ». Въ частности, «въ губерніяхъ Прибалтійскаго края употребленіе минеральныхъ туковъ, какъ извѣстно, давно уже вошло въ практику значительной части крестьянскихъ хозяйствъ, процентъ которыхъ до послѣдняго времени продолжаетъ быстро возрастать». Въ литовскихъ «искусственное землеудобреніе среди крестьянъ также составляетъ дѣло уже довольно прочное»,—есть уѣзды, гдѣ, по приводимымъ г. Морачевскимъ сообщеніямъ, у крестьянъ «повсюду примѣняются искусственные туки» (Поневѣжскій у.), гдѣ «суперфосфатъ, какъ и шлакъ томаса, пользуются среди крестьянъ большимъ распространеніемъ» (Дисненск. у.), гдѣ «люпинное удобреніе имѣетъ широкое распространеніе какъ во владѣльческихъ, такъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ» (Виленскій у.), и т. д. Тоже въ бѣлорусскихъ и въ прилегающей къ нимъ, уже коренной русской губерніи, Смоленской. Въ Лепельскомъ уѣздѣ «почти нѣтъ крестьянина, который не покупалъ бы подъ рожь 20—50 пуд. суперфосфата». Изъ Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, «крестьяне цѣлыми обозами отправляются для покупки фосфоритной муки»; въ Порѣчскомъ уѣздѣ «въ настоящее время нѣтъ ни одной деревни, гдѣ не примѣнялось бы фосфоритное удобреніе», въ Рославльскомъ—«почти нѣтъ крестьянскаго хозяйства, въ которомъ не примѣняли бы фосфориты». Въ другихъ коренныхъ русскихъ районахъ нечерноземной полосы «примѣненіе у крестьянъ удобрительныхъ туковъ является еще, по большей части, дѣломъ очень молодымъ и во многихъ мѣстностяхъ далеко еще не вышедшимъ изъ стадіи опыта»; оно распространяется, притомъ, не столько путемъ непосреднаго перениманія отъ владѣльческихъ хозяйствъ и изъ сосѣднихъ мѣстностей, сколько благодаря работѣ общественной агрономіи. Однако, въ Псковской, напримѣръ, губерніи есть мѣстности, гдѣ «въ настоящее время суперфосфатъ имѣетъ весьма большое распространеніе» (Псковск. у.),—гдѣ «почти каждый крестьянинъ, при недостаткѣ навоза, старается восполнить послѣдній суперфосфатомъ». Подобныя же сообщенія идутъ и изъ другихъ губерній: въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромск. губ., «многіе крестьяне начали примѣнять для удобренія полей разные минеральные туки»; въ Масальскомъ, Калужской губ., «многіе крестьяне примѣняютъ фосфоритную муку для удобренія ржаныхъ полей»; въ Гороховецкомъ уѣздѣ, Владимірской губ., «крестьяне весьма охотно удобряютъ свои поля фосфоритомъ», и т. д.

Однако, переживаемый русскимъ сельскимъ хозяйствомъ кризисъ есть не только кризисъ безнавознаго земледѣлія,—это, во всей средней и сѣверной Россіи, вполнѣ назрѣвшій *кризисъ*, вообще, *зернового трехпольнаго хозяйства*. И исходъ изъ этого кризиса—поскольку рѣчь идетъ о полеводствѣ—въ переходѣ отъ зернового къ плодосмѣнному хозяйству, наиболѣе осязательными, статистически-уловимыми

признаками котораго являются полевое травосѣяніе и посѣвы пропашныхъ растеній, главнымъ образомъ корнеплодовъ—и клубнеплодовъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ коренномъ вопросѣ новый атласъ департамента земледѣлія не даетъ того, что хотѣлось бы въ немъ найти: онъ даетъ лишь немного данныхъ о распространеніи корнеплодовъ и ничего—о травосѣяніи. И опять таки—вина здѣсь не на редакторахъ атласа, но на сельско-хозяйственномъ вѣдомствѣ, которое не только не располагаетъ сколько нибудь свѣжими количественными данными, но не нашло даже нужнымъ повторить ту давшую, какъ ни какъ, очень цѣнныя данныя анкету о травосѣяніи, которая была выполнена вѣдомствомъ въ самомъ началѣ XX столѣтія. Приходится опять довольствоваться очень устарѣлыми цифрами,—и это особенно жаль, въ виду небывало быстраго въ самые послѣдніе годы прогрессивнаго движенія въ русскомъ сельскомъ и въ частности—крестьянскомъ хозяйствѣ. Я возьму эти, повторяю, устарѣлыя данныя въ томъ видѣ, какъ они сведены въ одной изъ работъ проф. А. Н. Челинцева. Прежде всего травосѣяніе. Приводить исчерпывающія данныя едва ли необходимо,—достаточно уловить районы съ болѣе значительнымъ распространеніемъ травосѣянія, а затѣмъ—дать нѣкоторое представленіе о темпѣ его роста. Для этого достаточно взять изъ сводки проф. Челинцева тѣ мѣстности, гдѣ подъ посѣвными травами занято не менѣе 10 промиллей, или одного процента, всей пахатной площади: по отношенію къ посѣвнымъ травамъ одинъ процентъ—это такая доля, при наличности которой можно принимать, что травосѣяніе уже вышло изъ стадіи единичныхъ разрозненныхъ опытовъ. Такъ вотъ—еще недавно, въ 1881 году, общая площадь подъ посѣвными травами не превышала въ 50 губерніяхъ коренной Россіи 572 тыс. дес.,—въ томъ числѣ у владѣльцевъ 522, у крестьянъ всего 50 тыс. дес.; черезъ 20 лѣтъ, въ 1901 г., общая площадь подъ посѣвными травами возросла до 1085 тыс. дес.,—въ томъ числѣ на долю крестьянъ приходилось уже 355 тыс. дес.—всемеро больше, чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ. Въ 1881 году больше одного процента посѣвныхъ травъ было всего въ шести губерніяхъ—въ томъ числѣ большіе проценты во всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ и болѣе или менѣе ничтожные—въ двухъ столичныхъ и въ Ковенской. Въ 1901 году губерній съ 10 и болѣе промиллями посѣвныхъ травъ насчитывалось уже 18,—въ томъ числѣ всего четыре губерніи черноземной и 14—нечерноземной полосы. Областью наибольшаго развитія травосѣянія остались Прибалтійскія губерніи,—на долю ихъ въ абсолютныхъ цифрахъ приходилось, у крестьянъ, 147 тыс. десятинъ, или около двухъ пятыхъ всего крестьянскаго травосѣянія, въ промилляхъ же къ пахатной площади посѣвныя травы составляли въ Лифляндской губерніи 134, въ Эст-

ляндской 133 въ Курляндской даже 152 ‰. Приблизительно наряду съ ними стоятъ по развитію травосѣянія губерніи царства Польскаго, относительно которыхъ, однако, цифровыхъ данныхъ для даннаго момента времени не имѣется или во всякомъ случаѣ—мнѣ неизвѣстно. Затѣмъ идутъ всѣ три литовскія и всѣ три бѣлорусскія губерніи, непосредственно воспринимавшія травосѣяніе изъ сосѣднихъ областей съ наиболѣе культурнымъ хозяйствомъ—прибалтійскаго и привислянскаго края: Виленская (25‰), Гродненская (24) и особенно Ковенская (51‰), Могилевская (12‰), Витебская (17,5) и особенно Минская (28‰), съ прилегающею къ нимъ Смоленскою (31‰), которая, вообще, является чѣмъ то переходнымъ отъ Бѣлоруссіи къ великороссійскимъ губерніямъ. Затѣмъ идутъ двѣ изъ губерній приозернаго района—Псковская (23) и Петроградская (43‰) и три губерніи Московско-промышленной области—Московская (36‰), Тверская (24) и Ярославская (17‰). Нечерноземныя губерніи съ болѣе или менѣе значительнымъ травосѣяніемъ составляютъ, такимъ образомъ, одну сплошную область, широко распространившуюся вдоль западной границы государства и отсюда вклинившуюся въ промышленный центръ, до Московской губерніи включительно; къ той же области непосредственно прилегаютъ на юго-западѣ и единственныя четыре черноземныя губерніи съ болѣе или менѣе замѣтнымъ развитіемъ полевого травосѣянія: всѣ три юго-западныхъ—Подольская (16‰), Волынская (16‰) и Кіевская (10), и лежащая еще дальше къ юго-западу Бессарабская (13‰). Для болѣе новаго времени мы не располагаемъ аналогичными, въ какой либо мѣрѣ исчерпывающими, данными. О темпѣ развитія травосѣянія въ болѣе недавнее время можно судить лишь по даннымъ, касающимся тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ губерній,—заимствую нѣсколько примѣровъ, опять-таки, изъ книги г. Моравевскаго. Беру сначала Московскую губернію,—она, какъ извѣстно, была первою, гдѣ была поведена организованная пропаганда полевого травосѣянія, и гдѣ распространеніе послѣдняго среди крестьянъ быстро приняло массовый характеръ. Здѣсь, оказывается, за одно только пятилѣтіе 1905—1909 г.г. завели у себя правильное травосѣяніе 812 общинъ, въ общемъ же правильное травосѣяніе къ 1909 году было заведено въ 1618 общинахъ, или въ 28% всѣхъ общинъ губерніи; въ отдѣльныхъ уѣздахъ общины съ правильнымъ травосѣяніемъ составляли до 47—49, въ Звенигородскомъ уѣздѣ даже 58%. Еще интереснѣе губерніи, въ которыхъ травосѣяніе до недавняго времени не дѣлало существенныхъ успѣховъ и которыя, поэтому, не вошли въ приведенный выше перечень губерній съ болѣе развитымъ травосѣяніемъ. Беремъ изъ нихъ Владимірскую,—къ 1908 году правильное травосѣяніе заведено было въ 160, общественное угло-

вое въ 487 селеніяхъ. Въ одномъ только 1908 г. правильное травосѣяніе завели 57, угловое 90, въ 1909 г.—53 и 108 общинъ, и такимъ образомъ въ теченіе двухъ только лѣтъ число общинъ съ общественнымъ травосѣяніемъ возросло съ 757 до 1065. Въ Новгородской губерніи, гдѣ правильное травосѣяніе впервые введено было, въ 4-хъ селеніяхъ, въ 1898 году, къ 1910 году насчитывалось уже 667 селеній, или 6,5% всѣхъ селеній, съ правильнымъ травосѣяніемъ; въ Череповскомъ уѣздѣ ихъ было уже 16,7%, въ Бѣлозерскомъ 10,5%. Въ Костромской губерніи, гдѣ травосѣяніе является еще болѣе новымъ дѣломъ, къ 1910 году насчитывалось уже 445 селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ, а площадь подъ клеверомъ превысила 10000 дес.; при этомъ развитіе травосѣянія еще сильно задерживалось недостаткомъ оборотныхъ средствъ у земства, которое, напримѣръ, въ одномъ только 1909 году должно было оставить безъ удовлетворенія по Костромскому уѣзду 70, по Юрьевскому 36 приговоровъ о снабженіи обществъ сѣменами травъ,—о снабженіи, притомъ, *не даромъ* и не за какую-либо пониженную цѣну, а за полную ихъ стоимость, которую земству надо было только авансировать....

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробности относительно травосѣянія, какъ и любой иной отдѣльной отрасли полеводства. Напомню только, что, при быстромъ количественномъ распространеніи травосѣянія, далеко не все, въ этой области, обстоитъ благополучно. Примѣръ—та же Московская губернія, гдѣ, по свидѣтельству мѣстной агрономической организаціи, «въ развитіи травосѣянія за послѣдніе годы произошла заминка, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наступилъ даже регрессъ· во многихъ общинахъ сѣвообороты нарушены, крестьяне оставляютъ клеверъ на 3-ій и даже на 4-ый годъ, пропускаютъ одинъ и два очередныхъ посѣва клевера и т. д.; въ результатѣ—полная путаница посѣвовъ, негдѣ сѣять овесъ, нужно сѣять рожь по ржи, клеверъ чередуется на 2-хъ поляхъ черезъ короткіе промежутки времени, на другія же два поля совсѣмъ не попадаетъ, и пр.»; число селеній, перешедшихъ къ правильному травосѣянію, рѣзко сокращается—въ 1907 году ввело травосѣяніе 233, въ слѣдующіе два года уже только 107 и даже 18 селеній. Хуже того—наблюдается чуть не массовое забрасываніе травосѣянія—въ одномъ участкѣ Московскаго уѣзда очередной посѣвъ клевера изъ 31 селенія произвели только 9, въ Звенигородскомъ уѣздѣ 10% селеній прекратили травосѣяніе, въ другихъ 10% оно приняло характеръ углового, въ 43% селеній нарушенъ сѣвооборотъ. Я не буду подробно останавливаться на причинахъ этой «заминки»,—въ частности на такихъ элементарныхъ, какъ недостаточность агрономическаго руководительства при введеніи травосѣянія, какъ крайне неумѣлая уборка, благодаря которой клеверное сѣно получается цѣнностью ниже соломы. Напомню только объ одной

наиболѣе характерной и наиболѣе симптоматичной для, всетаки, столь низкаго еще уровня нашего хозяйственнаго развитія и нашей хозяйственной предусмотрительности: что «производство клевернаго сѣна» идетъ «главнѣйшимъ образомъ на продажу (на столичный рынокъ), а не на потребленіе въ собственномъ хозяйствѣ». Отсюда, прежде всего, перепроизводство продажнаго клевера и паденіе цѣнъ, нерѣдко, до убыточнаго уровня. Главное же—при такомъ использованіи клевера травосѣяніе теряетъ все свое значеніе, какъ элемента, кореннымъ образомъ реформирующаго земледѣліе; разъ трава не скармливается своему скоту, значитъ почва, попрежнему, не получаетъ достаточнаго удобренія, и посѣвы клевера не только не улучшаютъ почву, но наоборотъ—ведутъ за собой еще и нѣкоторыя специфическія формы ея истощенія. Какъ ясно само собой и какъ нашла себя вынужденною констатировать комиссія Московскаго земства ,«травосѣяніе принесетъ крестьянскому хозяйству пользу только въ томъ случаѣ, когда клеверъ и тимофеевка будутъ скармливаться въ своемъ хозяйствѣ, а не отчуждаться на сторону»,—только тогда травосѣяніе приведетъ «къ коренному преобразованію всей системы крестьянскаго хозяйства, къ переходу отъ зернового хозяйства къ скотоводческому, отъ навознаго скотоводства къ продуктивному», а поскольку рѣчь идетъ собственно о полеводствѣ—*отъ зернового къ травопольному* хозяйству.

Въ заключительныхъ строкахъ этого очерка мнѣ еще придется вернуться къ только что сказанному, теперь же я перейду къ другому существенному элементу плодосмѣна,—къ пропашнымъ растеніямъ и въ частности—къ корнеплодамъ и клубнеплодамъ. Обращаюсь снова къ даннымъ, сведеннымъ проф. Челинцевымъ, и выбираю опять губерніи съ наибольшимъ распространеніемъ пропашныхъ. Для посѣвныхъ травъ я исходилъ изъ «ценза» въ 1%,—въ данномъ случаѣ это не имѣло бы смысла, хотя бы уже потому, что небольшая подмѣсь такого пропашнаго, какъ картофель, весьма обычная даже въ самомъ отсталомъ трехпольномъ хозяйствѣ запада нечерноземной полосы, еще ничего не мѣняетъ въ общемъ типѣ и организаціи традиціоннаго трехполья. По отношенію къ пропашнымъ приходится поэтому исходить, вмѣстѣ съ проф. Челинцевымъ, изъ гораздо болѣе высокаго ценза—именно изъ 6½ процентовъ пахатной площади. Въ такомъ случаѣ къ числу губерній съ значительнымъ распространеніемъ пропашныхъ, по сведеннымъ А. Н. Челинцевымъ даннымъ за 1903—7 г.г., отнесутся—не считая царства Польскаго, для котораго соотвѣтственныхъ цифръ нѣтъ, но которое, несомнѣнно, цѣликомъ относится къ той же категоріи: всѣ три литовскія губерніи—Ковенская (7,4%), Гродненская (12) и Виленская (10%); всѣ три бѣлорусскія—Могилевская (11%), Минская (12) и Витебская (7,5%), и прилегающая къ нимъ Смоленская (6,4%); всѣ три прибалтійскія губерніи—Курляндская (6,5%), Лифлянская (7,7%) и

особенно Эстляндская (20,5 %), и прилегающая къ нимъ Петроградская (10 %); далѣе, четыре центрально-промышленныхъ губерніи—Московская (12 %), Владимірская (7), Калужская (7) и Ярославская (10 %), и три прилегающія къ нимъ съ юга центрально-черноземныя—Тульская (6,5 %), Рязанская (7,3) и Орловская (7,1); затѣмъ, три юго-западныхъ губерніи—Кіевская (11 %), Волынская (8,5), Подольская (18 %) и прилегающая къ нимъ Черниговская (8,6 %), наконецъ, огромный процентъ пропашныхъ (30 %) даетъ Бессарабская губернія,—но она не можетъ идти въ сравненіе съ другими, потому что эти 30 %—это въ главной массѣ кукуруза, которая здѣсь является не прогрессивнымъ факторомъ, а основою исконно-бессарабскаго, весьма своеобразнаго хозяйственнаго типа. Что касается затѣмъ до остальныхъ перечисленныхъ губерній, то, взятыя вмѣстѣ, онѣ образуютъ почти сплошную область, въ общемъ почти совпадающую съ областью преимущественнаго распространенія травосѣянія, грубо говоря, прогрессъ русскаго полеводства движется, значитъ, приблизительно параллельно по тому и по другому направленіямъ. Однако, общая категорія пропашныхъ имѣетъ въ разныхъ частяхъ очерченной только-что области существенно-различное содержаніе во всѣхъ выше перечисленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ это—исключительно картофель, почти исключительно картофелемъ представлена группа пропашныхъ и въ ближайшихъ къ нечерноземной полосѣ черноземныхъ губерніяхъ—Рязанской, Тульской и Орловской. Менѣе рѣшительно преобладаніе картофеля, какъ видно, между прочимъ, также изъ сведенныхъ А. Н. Челинцевымъ данныхъ, въ такихъ, южнѣе лежащихъ, губерніяхъ, какъ Курская, Черниговская, Волынская, тѣмъ болѣе въ такихъ, не вошедшихъ въ приведенный перечень, губерніяхъ, какъ Харьковская и Херсонская; наконецъ, въ Кіевской и Подольской онъ отступаетъ окончательно на задній планъ, уступая рѣшительное преобладаніе сахарной свекловицѣ. Въ новомъ атласѣ сельско-хозяйственнаго вѣдомства имѣются, въ числѣ прочихъ, картограммы, показывающія распространеніе обоихъ этихъ пропашныхъ растеній—картофеля и свеклы. Мы отчетливо видимъ на этихъ картограммахъ, какъ картофель, имѣя центромъ своего распространенія царство Польское, сплошнымъ широкимъ клиномъ проникаетъ чрезъ Бѣлоруссію въ самый центръ Россіи, давая около Москвы, Владиміра и Ярославля нѣсколько оазисовъ максимальнаго распространенія,—и другимъ, тоже почти сплошнымъ, клиномъ, надвигается чрезъ Литву въ прибалтійскія и Петроградскую губерніи. Сопоставленіе двухъ другихъ картограммъ даетъ наглядное представленіе о ходѣ распространенія картофеля въ 1897 г сплошной районъ картофельныхъ культуръ обнималъ еще только Польшу съ Литвою и Бѣлоруссіей и Прибалтійскій край съ Петроградскою губерніей; въ центральной Россіи существовали только отдѣльныя пятна картофель-

ной культуры—Московская, Рязанская и Ярославская губерніи. Въ 1912 году районъ картофельной культуры, какъ сказано, заполнилъ всю центральную Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не всѣ губерніи этого района получили на картограммѣ 1912 года гораздо болѣе темную закраску, чѣмъ на картограммѣ 1897 года. Сплошную полосу, какъ видно изъ другой картограммы, занимаетъ и сахарная свекловица; эта полоса—весь юго-западъ европейской Россіи, начиная отъ Тамбова и Тулы и кончая Бессарабскою губерніей, и все царство Польское, кромѣ Сувалкской губерніи. Степень распространенности сахарной свекловицы и посейчасъ остается, однако, весьма неодинаковой въ семи губерніяхъ царства Польскаго, въ Бессарабской, Тульской и Орловской подъ свекловицей занято менѣе 15-ти десятинъ на тысячу десятинъ всего посѣва, въ Воронежской, Тамбовской и Херсонской отъ 15 до 24-хъ, въ Полтавской и въ двухъ изъ Польскихъ губерній—Варшавской и Люблинской—отъ 25 до 34-хъ. въ Черниговской и Волынской—отъ 35 до 54-хъ, въ губерніяхъ Курской, Харьковской и тѣмъ болѣе—въ Кіевской и Подольской, этихъ главныхъ центрахъ свекловичной культуры, площадь подъ свекловицею превышаетъ 55 десятинъ на 1000 десятинъ всей посѣвной площади. Въ виду первостепенно-важнаго значенія сахарной свекловицы, какъ фактора, революціонизирующаго земледѣльческую культуру черноземной полосы, въ виду особаго интереса, представляемаго вопросомъ о возможной роли ея въ мелкомъ, крестьянскомъ хозяйствѣ, приведу данныя о площадяхъ подъ свекловицей въ среднемъ за три послѣдовательныхъ періода, отдѣльно при заводахъ, т. е. въ крупныхъ хозяйствахъ, и «у плантаторовъ», т. е., главнымъ образомъ, у крестьянъ. Вотъ эти цифры:

Въ среднемъ за	Всего	При заводахъ	У плантаторовъ
	тысячъ десятинъ.		
1901—5	506	165	341
1906—10	551	177	374
1911—13	698	216	482

Мы видимъ быстрый ростъ свекловичной культуры, притомъ особенно быстрый въ самое послѣднее трехлѣтіе; и притомъ въ первомъ изъ приведенныхъ трехъ періодовъ изъ общей площади свекловичныхъ посѣвовъ на долю «плантаторовъ» приходилось 67, въ послѣднемъ—уже 69%. Культура свеклы прогрессируетъ, значитъ, у крестьянъ даже нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ большихъ заводскихъ хозяйствахъ. Не менѣе знаменательны и порайонныя цифры, взятыя хотя бы за послѣднее трехлѣтіе, 1901—03 г.г.:

Районы:	Всего	При заводахъ	У плантаторовъ
	тысячъ десятинъ.		
Польскій	73	2	71
Юго-западный	366	85	281
Новороссійскій	12	4,5	7,5
Малорусскій	128	59	69
Центральный	115	65	50

Цифры эти, очевидно, лишній разъ подтверждаютъ извѣстный изъ сельско-хозяйственной экономіи фактъ, что роль мелкаго хозяйства въ культурѣ свекловицы тѣмъ виднѣе, чѣмъ выше общая и въ частности сельско-хозяйственная культурность народныхъ массъ, она растетъ по мѣрѣ того, какъ укореняется въ извѣстномъ районѣ культура свекловицы и какъ, въ силу этого, въ средѣ населенія распространяются соотвѣтственные трудовые и хозяйственные навыки.

Необходимость беречь мѣсто лишаетъ меня возможности входить въ какія-либо дальнѣйшія подробности относительно тѣхъ элементовъ и признаковъ, въ которыхъ проявляется прогрессъ русскаго сельскаго хозяйства; въ частности—относительно процесса постепенной смѣны отжившаго свой вѣкъ зернового хозяйства болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся условіямъ формами. Отмѣчу въ заключеніе вотъ какое обстоятельство о прогрессивныхъ явленіяхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ черноземной полосы—если я достаточно освѣдомленъ—мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ объ аналогичныхъ явленіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ черноземной полосы. Еще недавно могло казаться, что въ первой царитъ болѣе или менѣе полный застой по сравненію со второю, и это представленіе находило себѣ подтвержденіе, напримѣръ, въ сведенныхъ мною данныхъ о системахъ полеводства въ выдающихся частновладѣльческихъ хозяйствахъ *). Застой этотъ находилъ себѣ и вполнѣ правдоподобное объясненіе, съ одной стороны, въ природномъ плодородіи черноземныхъ почвъ, которое дозволяло населенію, многіе вѣка, не думать сколько-нибудь серьезно о способахъ поддержанія и возстановленія ихъ производительности; съ другой—еще и въ томъ обстоятельствѣ, что ни неимѣвшая къ тому достаточныхъ побужденій практика, ни воспитавшаяся въ совершенно иныхъ условіяхъ научная агрономія еще не выработали такого типа хозяйства, который могъ бы прійти на смѣну: въ однѣхъ мѣстностяхъ безнавозному трехполью, въ другихъ—пережившему себя и принявшему уродливыя формы залежному хозяйству. Данныя о движеніи урожаевъ показываютъ, однако, что это не такъ: *урожаи въ черноземной полосѣ возрасли--*

*) См. мою работу «Къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія» въ сборникѣ «Аграрн вопросъ» (изд. И И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова), т. 2-ой, М. 1908.

если взять ее въ цѣломъ—не въ меньшей, а *въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ въ черноземной*. А этого не могло бы быть, если бы организація хозяйства на черноземѣ, въ самомъ дѣлѣ, оставалась неподвижною,—если бы хозяйство въ черноземной полосѣ, въ самомъ дѣлѣ, продолжало держаться старыхъ, только истощающихъ землю формъ.

Къ разсмотрѣнію данныхъ объ урожайности мы теперь и перейдемъ.

Приведу прежде всего порайонныя цифры средняго урожая трехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, выведенныя по даннымъ за десятилѣтіе 1901—10 гг.:

Районы	Рожь крест.	Рожь влад.	Яр пшеница крест.	Яр пшеница влад.	Овесъ крест.	Овесъ влад.
Центр.-черноземный . . .	52	67	49	58	49	64
Сред.-волжскій	52	62	39	45	43	51
Ниж.-волжскій	34	41	32	38	33	39
Новороссійскій	45	57	40	51	49	59
Юго-западный	70	79	51	60	65	77
Малороссійскій	55	69	53	60	54	66
По всей черноземн. полосѣ .	51	63	43	51	50	60
Промышленный	45	57	43	49	50	59
Бѣлорусскій	42	57	43	49	50	60
Литовскій	46	55	42	47	43	49
Приозерный	47	56	43	49	49	56
Прибалтійскій . . .	68	77	58	60	54	64
Приуральскій	53	57	52	57	55	58
Сѣверный	48	53	48	54	52	57
По всей нечернозем. полосѣ . .	50	58	47	52	50	57
Царство Польское	59	65	60	64	53	60
Сѣверный Кавказъ	55	59	50	56	61	64

Среднія цифры урожайности приведены въ этой табличкѣ, какъ обычно дѣлается, отдѣльно для крестьянскихъ и отдѣльно для владѣльческихъ земель. Я не буду, однако, останавливаться здѣсь на наблюдаемыхъ, между тѣми и другими, различіяхъ въ урожайности· какъ самый фактъ превышенія урожайности владѣльческихъ земель, такъ и различныя, даваемыя этому факту, объясненія, не менѣе хорошо извѣстны читателю настоящаго очерка, нежели мнѣ. Если новѣйшія данныя объ урожайности и обнаруживаютъ, въ данномъ направленіи, что-либо болѣе или менѣе новое и интересное, то это новое и интересное выяснится для насъ только при разсмотрѣніи *движенія урожайности во времени*. Пока же мы будемъ разсматривать приведенныя среднія цифры урожайности исключительно подъ географическимъ угломъ зрѣнія. Взглянемъ, прежде всего, на среднія цифры по черноземной и по нечерноземной полосѣ. Средняя урожайность оказывается почти

совершенно одинаковой для той и для другой—ничтожный избытокъ урожайности ржи и овса, получившійся для черноземной полосы, уравновѣшивается нѣкоторымъ избыткомъ урожайности пшеницы въ нечерноземной. Давно извѣстный фактъ: широко практикуемое въ нечерноземной полосѣ навозное удобреніе, издавна ставшее здѣсь основой земледѣльческаго хозяйства, какъ бы уравновѣшиваетъ избытокъ естественной производительности чернозема. Еще недавно оно *даже перевѣшивало*—урожаи въ нечерноземной полосѣ *были выше*, чѣмъ въ черноземной. по подсчетамъ А. Ф. Фортунатова, средняя урожайность всѣхъ хлѣбовъ, принимая средній урожай по всѣмъ 50 губерніямъ за 100, выражалась такими цифрами.

Въ полосахъ:	По даннымъ центр. статист. комитета за 1883—90 г.г.		По даннымъ департамента земледѣл. за 1881—90 г.г.	
	крест	влад.	крест.	влад.
Черноземной	96	94	95	93
Нечерноземной	105	107	105	107

Сопоставленіе съ несомнѣнностью установленнаго, такимъ образомъ, факта довольно *замѣтнаго, еще недавно, превышенія* урожайности въ нечерноземной полосѣ съ другимъ, столь же несомнѣннымъ, фактомъ *почти совершеннаго равенства* урожаевъ въ обѣихъ полосахъ въ настоящее время, позволяетъ намъ предвосхитить выводъ къ которому мы окончательно придемъ нѣсколько дальше, непосредственно изъ сравненія данныхъ о движеніи урожайности,—выводъ, на который я только что ссылался, если можно такъ выразиться, авансомъ: что *урожайность въ черноземной полосѣ росла, въ послѣднія десятилѣтія, быстрѣе, чѣмъ въ нечерноземной.*

Перейдемъ теперь къ порайоннымъ цифрамъ. Сначала—*нечерноземная* полоса съ царствомъ Польскимъ. Изъ всѣхъ районовъ этой полосы, конечно, по высокой урожайности всѣхъ хлѣбовъ и особенно пшеницы выдѣляется прибалтійскій,—урожайность пшеницы здѣсь, приблизительно, въ полтора раза выше, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ районовъ. Непосредственно за нимъ идетъ польскій,—онъ, правда, замѣтно уступаетъ прибалтійскому по урожайности пшеницы, но стоитъ даже выше по урожайности ржи. *Максимумъ урожайности* совпадаетъ, такимъ образомъ, съ *максимумомъ культурности* хозяйства. Изъ остальныхъ районовъ нечерноземной полосы нѣсколько выдѣляется вверхъ только приуральскій. на сѣверѣ, очевидно, благодаря очень интенсивному унаваживанію, на югѣ, надо думать, благодаря сравнительной свѣжести заходящихъ въ границы этого района черноземныхъ почвъ. Во всѣхъ остальныхъ районахъ средній урожай пшеницы выражается въ почти тождественныхъ цифрахъ, а небольшія различія въ урожаяхъ ржи болѣе или менѣе уравновѣ

шиваются различіями въ урожаяхъ овса Гораздо рѣзче порайонныя различія, какъ давно извѣстно, въ черноземной полосѣ. И здѣсь *максимальная урожайность*—юго-западнаго района!—совпадаетъ съ *максимальною культурностью:* средній урожай всѣхъ трехъ хлѣбовъ здѣсь на 30—40% выше, чѣмъ въ большинствѣ другихъ районовъ; низкою урожайностью, напротивъ, отличаются тѣ два степныхъ района, гдѣ въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранилось первобытное переложное хозяйство, но гдѣ «хорошія времена» этого первобытнаго хозяйства уже миновали окончательно новороссійскій и особенно юго-восточный, заволжскій. Въ первомъ изъ нихъ урожайность получилась лишь немногимъ ниже, чѣмъ въ среднемъ выводѣ по черноземной полосѣ, это—отчасти потому, что въ составъ этого района включена Бессарабская губернія, по всему строю хозяйства имѣющая очень мало общаго съ остальными губерніями новороссійскаго района и въ соотвѣтствіи съ этимъ дающая, относительно, очень высокія цифры урожайности (рожь 61 и 74, пшеница 48 и 62, овесъ 58 и 74); отчасти—и благодаря тому, что хозяйство здѣсь нѣсколько сдвинулось съ мертвой точки и восприняло тѣ или другіе прогрессивные элементы. Напротивъ, въ юго-восточномъ районѣ средняя урожайность ниже средней по черноземной полосѣ на цѣлую треть, немногимъ превышая у крестьянъ такую жалкую цифру, какъ 30 пудовъ, и даже у владѣльцевъ достигая только такой, тоже еще достаточно мизерной, цифры, какъ 40 пудовъ съ десятины. Исключительно низкая урожайность этого района—продуктъ, съ одной стороны, особенно рѣзко выраженнаго континентальнаго климата, съ характерными для него засухами, съ другой же стороны она является естественнымъ спутникомъ хозяйственной отсталости этого района. Нѣсколько неожиданною является сравнительно высокая урожайность третьяго района первобытнаго залежнаго хозяйства—сѣвернаго Кавказа, залежное хозяйство здѣсь, очевидно, еще не успѣло изжить себя, благодаря недавнему заселенію этого района и обусловливаемой имъ сравнительной свѣжести почвы. Остальные три района, обнимающіе, въ совокупности, среднюю и сѣверную часть черноземной полосы, по урожайности ржи, главнаго здѣсь хлѣба, очень близки другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ средней по черноземной полосѣ, по урожайности остальныхъ хлѣбовъ рѣзко выдѣляется въ неблагопріятную сторону средне-волжскій районъ; по урожайности, въ особенности, пшеницы, рѣзко выдѣляется вверхъ малороссійскій. До извѣстной степени здѣсь дѣло, надо думать, въ менѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ перваго и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ второго, главнымъ же образомъ—въ большей отсталости хозяйства въ Поволжьѣ и, наоборотъ, въ болѣе прогрессивномъ характерѣ

хозяйства въ Малороссіи представляющей не мало общихъ чертъ съ прилегающимъ къ ней съ запада юго-западнымъ краемъ.

Нѣчто аналогичное можно сказать и относительно другой, почти столь-же важной, стороны вопроса объ урожаяхъ—ихъ колеблемости, или иначе—о составляющей обратную сторону той-же медали устойчивости урожаевъ. Установленный фактъ, что рѣзкая колеблемость урожаевъ—неразрывный спутникъ первобытно-хищническаго, устойчивость—спутникъ болѣе культурнаго хозяйства. Напомню цифры, уже довольно давно высчитанныя г. Лохтинымъ для Россіи и для ряда другихъ странъ. Низшій, въ среднемъ для цѣлыхъ странъ, урожай пшеницы, принятый за 100, относится къ высшему: въ Англіи какъ 100 131, въ Германіи какъ 100 137, во Франціи какъ 100 168; даже—довольно неожиданно—въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатахъ какъ 100:153. Гораздо менѣе благопріятно отношеніе низшаго урожая къ высшему въ такой странѣ рѣзко выраженнаго экстенсивнаго хозяйства, какъ Аргентина, именно 100 288. Но Россія, въ смыслѣ колеблемости урожаевъ, перещеголяла и Аргентину—отношеніе низшаго урожая къ высшему для яровой пшеницы 100 336, для озимой даже 100.365. Пшеница—хлѣбъ съ наибольшею колеблемостью урожаевъ, однако, и въ среднемъ выводѣ для *всѣхъ* вообще хлѣбовъ отношеніе низшаго урожая къ высшему для владѣльческихъ земель 100·153, для крестьянскихъ 100.228,—крестьяне, значитъ, не только въ среднемъ получаютъ со своихъ надѣльныхъ земель меньше, нежели получается съ владѣльческихъ, но и устойчивость урожаевъ у нихъ значительно меньше, а рискъ плохого урожая значительно больше.

Это—общеизвѣстныя цифры. Въ атласѣ департамента земледѣлія находимъ очень интересныя спеціальныя картограммы и діаграммы, посвященныя вопросу объ измѣнчивости урожаевъ, которая характеризуется, однако, инымъ способомъ, чѣмъ въ приведенныхъ только-что подсчетахъ г. Лохтина: за коэффиціентъ измѣнчивости принимается, именно, выраженное въ процентахъ къ средней урожайности среднее уклоненіе отъ нея годичныхъ урожаевъ. Если, теперь, взглянуть на эти картограммы, то легко увидѣть, что область съ наибольшей измѣнчивостью урожаевъ, именно свыше 28%, охватываетъ весь степной югъ и юговостокъ, начиная отъ Бессарабской и кончая Оренбургскою губерніею; немногимъ меньше, отъ 25 до 27%, измѣнчивость урожаевъ въ рядѣ прилегающихъ къ той-же полосѣ съ сѣвера средне-волжскихъ и центрально-черноземныхъ губерній—Уфимской, Казанской, Воронежской, Тамбовской; изъ губерній нечерноземной полосы столь же сильную колеблемость обнаруживаетъ одна Калужская. Наименьшею колеблемостью, въ черноземной полосѣ, характеризуются малороссійскія и особенно юго-западныя губерніи; въ преобладающемъ большинствѣ уѣздовъ измѣнчивость урожаевъ колеблется между 10 и 15%.

Это минимумъ колеблемости для черноземной полосы, въ нечерноземной 10—15%—почти высшій предѣлъ измѣнчивости, что въ значительной мѣрѣ объясняется, конечно, менѣе рѣзко выраженною континентальностью климата. Наивысшую степень устойчивости обнаруживаетъ, въ частности, Вологодская губернія, къ числу губерній съ наименьшею измѣнчивостью урожаевъ (10—12%) принадлежатъ всѣ прибалтійскія и нѣкоторыя изъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній.

Резюмированное въ послѣднихъ строкахъ зрительное впечатлѣніе, получаемое отъ разсмотрѣнія картограммъ, вполнѣ подтверждается порайонными средними, изображенными въ атласѣ, очень своеобразными, такъ сказать, маятнико-видными діаграммами. Если прежде всего, вывести изъ этихъ порайонныхъ коэффиціентовъ, средніе коэффиціенты для черноземной и для нечерноземной полосы, то средняя измѣнчивость урожаевъ выразится такими цифрами.

Полосы:	Крест. земли.	Владѣл. земли.
Черноземная	21,3	19,7
Нечерноземная	11,1	9,9

Измѣнчивость урожаевъ и для крестьянскихъ и для владѣльческихъ земель, въ среднемъ выводѣ по черноземной полосѣ, приблизительно, вдвое сильнѣе, нежели въ среднемъ по нечерноземной. Разница въ измѣнчивости урожаевъ между крестьянскими землями, съ одной стороны, и владѣльческими, съ другой, хотя и обнаруживается въ томъ-же направленіи, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ выходило по подсчетамъ г. Лохтина, по степени измѣнчивости урожаевъ крестьянскія земли въ далеко меньшей мѣрѣ отличаются отъ владѣльческихъ, нежели по средней ихъ высотѣ. Порайонные коэффиціенты—если взять однѣ только крестьянскія земли—колеблются для черноземной полосы между 17 и 28%, для нечерноземной между 7 и 14%,—высшій изъ порайонныхъ коэффиціентовъ измѣнчивости въ нечерноземной полосѣ всетаки еще замѣтно ниже даже низшаго изъ коэффиціентовъ, получившихся для районовъ черноземной полосы. Наибольшую въ черноземной полосѣ, а слѣдовательно и во всей странѣ, измѣнчивость обнаруживаютъ, конечно, нижне-волжскій (28%), средне-волжскій (24) и новороссійскій (21%) районы, наибольшую устойчивость даютъ въ черноземной полосѣ районы юго-западный и малороссійскій (17%), въ нечерноземной—сѣверный (7%), за нимъ—прибалтійскій, польскій и литовскій (9—10%). Какъ и слѣдовало ожидать: *наибольшею устойчивостью урожаевъ* какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ *характеризуются*, какъ и наивысшими цифрами среднихъ урожаевъ, *тѣ самые районы, которые являются областями съ издавнимъ интен-*

сивнымъ земледѣліемъ или *съ наиболѣе отчетливо выраженными признаками прогресса* въ организаціи полевого хозяйства.

Перейдемъ теперь къ наиболѣе интересному для насъ вопросу: *какъ измѣняются урожаи во времени*,—наиболѣе интересному потому, что насъ вѣдь интересуетъ не столько статическая картина русскаго сельскаго хозяйства, сколько сила и значеніе проявившихся въ немъ прогрессивныхъ теченій, а между тѣмъ именно измѣненія урожайности даютъ, въ конечномъ счетѣ, наиболѣе объективную и точную мѣру этого прогресса.

Я уже приводилъ выше небольшую табличку съ цифрами средней урожайности всѣхъ вообще хлѣбовъ за пять послѣдовательныхъ пятилѣтій. Для связи изложенія воспроизвожу ее еще разъ, дополняя ее цифрами повышенія урожайности по отдѣльнымъ десятилѣтіямъ:

Періоды.	Крестьянскія земли			Владѣльческія земли		
	пудовъ съ дес.	въ %	увеличеніе въ %.	пудовъ съ дес.	въ %	увеличеніе въ %.
1861—70. . . .	29	100	—	33	100	—
1871—80. . . .	31	107	7	37	112	12
1881—90. . .	34	117	10	42	127	15
1891—900. . .	39	134	17	47	142	15
1901—10. . . .	43	148	14	54	164	22

Послѣдовательный ростъ урожайности въ теченіе послѣдняго полувѣка не можетъ, такимъ образомъ, какъ я уже подчеркивалъ, подлежать сомнѣнію или оспариванію средній урожай за послѣднее десятилѣтіе для владѣльческихъ земель *почти на двѣ трети*, для крестьянскихъ земель *почти на половину* выше, нежели за первое. Отмѣтимъ, прежде всего, тотъ фактъ, что *урожайность владѣльческихъ земель растетъ замѣтно быстрѣе, нежели урожайность крестьянскихъ*, благодаря чему разница между тѣми и другими съ теченіемъ времени не только не сглаживается, но напротивъ—становится значительно рѣзче: въ первомъ десятилѣтіи урожайность владѣльческихъ земель превышала крестьянскую всего на 14, въ послѣднемъ—уже на 26 %. Фактъ этотъ нельзя объяснить иначе какъ тѣмъ, что владѣльческое хозяйство въ значительно большей мѣрѣ воспользовалось благами сельско-хозяйственнаго прогресса, нежели крестьянское; что, слѣдовательно, оно гораздо болѣе живуче, нежели это принято думать, въ частности, въ кругахъ прогрессивной интеллигенціи. Если, въ самомъ дѣлѣ, разницу въ урожайности владѣльческихъ и крестьянскихъ земель, при разсмотрѣніи одной только *статики* урожаевъ, можно было объяснять лучшимъ качествомъ владѣльческихъ земель, болѣе благопріятнымъ составомъ угодій и т. п.; если можно было настаивать на томъ, что преобладающая масса владѣльческихъ

земель состоитъ въ арендѣ у крестьянъ, и что, слѣдовательно, разница въ урожайности крестьянскихъ и владѣльческихъ *земель* отнюдь не равносильна разницѣ урожаевъ въ крестьянскомъ и во владѣльческомъ *хозяйствѣ*,—то всѣ эти соображенія утрачиваютъ силу, разъ мы разсматриваемъ *динамику* урожаевъ и констатируемъ *увеличеніе разницы* въ урожайности крестьянскихъ и владѣльческихъ земель: качество владѣльческихъ земель и составъ угодій въ нихъ не могли улучшиться съ теченіемъ времени; поскольку владѣльческія земли состоятъ въ арендномъ пользованіи крестьянъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы крестьянская культура на арендныхъ земляхъ повысилась больше, чѣмъ на надѣльныхъ. Нѣтъ, повторяю, и не можетъ быть никакого другого объясненія, какъ то, что крестьяне, какъ никакъ, до сихъ поръ остаются въ меньшей мѣрѣ причастными къ агрикультурному прогрессу, нежели ведущіе свое хозяйство владѣльцы. *Это*—повторяю—фактъ, который должны помнить и съ которымъ должны считаться, въ особенности, дѣятели общественной агрономіи. Но что, съ другой стороны, отрадно констатировать,—это то, что ростъ урожайности какъ на владѣльческихъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ идетъ ускоряющимся темпомъ; въ третьемъ десятилѣтіи онъ выразился большимъ процентомъ, чѣмъ во второмъ, въ четвертомъ и пятомъ—значительно большими процентами, чѣмъ въ два предшествовавшихъ десятилѣтія; страннымъ образомъ, для крестьянскихъ земель урожаи въ послѣднемъ десятилѣтіи обнаруживаютъ нѣсколько замедленный темпъ роста по сравненію съ предыдущимъ,—но всетаки еще большій, чѣмъ два первыхъ десятилѣтія.

Выше была приведена и одна изъ помѣщенныхъ въ текстовыхъ поясненіяхъ къ картограммамъ атласа табличекъ, показывающихъ группировку губерній, въ два послѣдовательныхъ періода, 1881—94 и 1895—912 г.г., по высотѣ среднихъ урожаевъ ржи. Опять таки, для полноты и связи изложенія приведу здѣсь объ эти таблички. Вотъ группировка губерній по среднимъ урожаямъ ржи

Группы губерній со среднею урожайностью:	Число губерній въ каждой группѣ по урожаю на земляхъ: владѣльческихъ		крестьянскихъ	
	1881—94	1895—912	1881—94	1895—912
Ниже 40 пуд.	3	2	13	4
40—44 »	8	2	17	11
45—49 »	10	2	13	10
50—54 »	14	9	6	11
55—59 »	7	9	5	12
60—65 »	4	9	1	6
65 и бол. »	9	27	—	6

А вотъ группировка по высотѣ среднихъ урожаевъ овса:

Группы губерній со среднею урожайностью:	Число губерній въ каждой группѣ по урожаю на земляхъ: владѣльческихъ 1881—94	1895—912	крестьянскихъ 1881—94	1895—912
Менѣе 35 пуд.	2	1	8	1
35—39 »	8	—	14	6
40—44 »	9	2	17	9
45—49 »	12	9	16	17
50—54 »	15	11	2	18
55—59 »	6	12	1	6
60—64 »	6	13	—	2
65—69 »	—	8	—	—
Болѣе 70 »	—	4	—	1

Въ первомъ періодѣ, напомню, урожай ржи на владѣльческихъ земляхъ въ 21 губерніи не достигалъ 50 пудовъ, во второмъ, 1895—1912, уже только въ шести губерніяхъ; соотвѣтственныя цифры для крестьянскихъ земель—43 и 25 губерній; болѣе 55 пудовъ съ владѣльческихъ земель получалось въ первомъ періодѣ въ 20 губерніяхъ, во второмъ уже въ 45-ти; соотвѣтственныя цифры для крестьянскихъ земель—6 и 24 губерніи. Аналогичныя, но еще болѣе рѣзкія перемѣщенія произошли по отношенію къ урожайности овса; въ 1881—94 г.г. средній урожай овса ниже 45 пудовъ получался на владѣльческихъ земляхъ въ 19-ти, въ 1895—912 г.г. уже только въ трехъ губерніяхъ; средній урожай отъ 55 до 64 пудовъ получался на владѣльческихъ же земляхъ въ первомъ періодѣ въ 12, во второмъ въ 25 губерніяхъ, и сверхъ того во второмъ періодѣ появились вовсе не существовавшія раньше группы съ урожаями овса свыше 65 пудовъ, обнимающія цѣлыхъ 12 губерній. На крестьянскихъ земляхъ въ 1881—94 г.г. въ цѣлыхъ 22 губерніяхъ получился средній урожай ниже 40, въ томъ числѣ въ 8-ми—даже ниже 35 пудовъ; въ 1895—912 г.г. губерній съ урожаемъ ниже 40 пудовъ осталось только 7, и всего одна—съ урожаемъ ниже 35 пудовъ; число губерній съ урожаемъ 40—44 пуда тоже уменьшилось съ 17 до 9-ти; число губерній съ урожайностью овса отъ 50 до 59 пудовъ возросло съ трехъ до 24-хъ, а въ трехъ губерніяхъ урожайность овса на крестьянскихъ земляхъ поднялась выше 60, въ одной изъ нихъ—даже выше 70-ти пудовъ.

Нижеслѣдующая табличка, цифры которой взяты съ одной изъ картограммъ атласа департамента земледѣлія, показываетъ затѣмъ, въ среднихъ по десятилѣтіямъ цифрахъ, урожайность крестьянскихъ земель *) по отдѣльнымъ районамъ, вычисленную, опять таки, въ общемъ для всѣхъ хлѣбовъ видѣ:

*) Аналогичныя данныя приведены въ атласѣ и для владѣльческихъ земель.

Районы.	Средній урожай всѣхъ хлѣбовъ въ періоды: 1861—70	1871—80	1881—90	1891—900	1901—10
А. Черноземной полосы:					
Нижневолжскій	24	24	28	30	30
Средневолжскій	31	33	35	39	39
Новороссійскій	20	21	28	34	39
Центральный	34	37	39	41	45
Малороссійскій . . .	25	28	32	39	46
Юго-западный	31	36	41	48	64
Б. Нечерноземной полосы:					
Моск.-промышленный .	33	33	39	43	42
Приозерный.	31	35	39	42	45
Прибалтійскій	52	51	51	56	58
Литовскій.	26	30	31	38	41
Бѣлорусскій	28	31	34	39	40
Сѣверный.	34	36	42	45	46
Приуральскій.	30	33	34	46	46

Если вычислить, въ процентахъ, приростъ урожайности отъ перваго къ послѣднему десятилѣтію, то получатся, въ томъ-же порядкѣ районовъ, такія цифры. для черноземной полосы 20, 26, 95, 32, 84, 106, для нечерноземной. 27, 45. 12, 58, 43, 35, 53. Прибѣгая къ грубому пріему вычисленія простыхъ среднихъ изъ этихъ двухъ рядовъ процентныхъ цифръ, получимъ для черноземной полосы общій приростъ урожайности въ 60,5, для нечерноземной только въ 39%. Мы окончательно убѣждаемся—*урожайность въ черноземной полосѣ*, взятой какъ цѣлое, *растетъ*, въ самомъ дѣлѣ, *значительно быстрѣе, чѣмъ въ нечерноземной*. Всматриваясь въ порайонныя цифры, сначала по черноземной полосѣ, мы замѣчаемъ однако, прежде всего, чрезвычайно рѣзкое различіе между тремя районами, обнимающими, вмѣстѣ, восточную половину этой полосы, и тремя ея западными районами въ восточной половинѣ общій приростъ урожайности за послѣднее полстолѣтіе очень невеликъ, и что всего интереснѣе—послѣднее десятилѣтіе не обнаруживаетъ никакого или почти никакого повышенія урожайности по сравненію съ непосредственно предшествовавшимъ. Въ западной, напротивъ, ростъ урожайности выражается въ высокихъ цифрахъ, какимъ могли бы позавидовать наиболѣе прогрессирующія страны запада, и притомъ послѣднее десятилѣтіе даетъ во всѣхъ трехъ районахъ замѣтный, въ юго-западномъ районѣ даже исключительно сильный, ростъ урожаевъ по сравненію съ непосредственно-предшествовавшимъ. Ничего похожаго на такой сильный ростъ урожайности мы не находимъ ни въ одномъ изъ районовъ нечерноземной полосы. Сравнительно замѣтное общее повышеніе урожайности, отъ 43 до 58%, даетъ, всетаки, сплошная по-

лоса, обнимающая приозерный, литовскій и бѣлорусскій районы, а также приуральскій районъ, промышленный центръ и особенно прибалтійскій край обнаруживаютъ лишь ничтожное повышеніе урожайности. И что—опять таки—особенно любопытно, послѣднее десятилѣтіе ни въ одномъ изъ районовъ нечерноземной полосы не обнаруживаетъ никакого или почти никакого повышенія урожайности по сравненію съ предпослѣднимъ. Ясно, что только западъ черноземной полосы, въ томъ числѣ какъ ликвидирующая переложное хозяйство Новороссія, такъ и поднявшійся выше уровня трехполья юго-западный край, являются областью быстраго и притомъ не прерывающагося прогресса земледѣлія вообще и въ частности—крестьянскаго. Восточная половина черноземной полосы—какъ выходитъ по цифрамъ урожайности—исчерпала всѣ возможности первобытнаго переложнаго хозяйства или безнавознаго трехполья и не находитъ, пока, путей, которыми она могла бы прійти къ настоятельно необходимому повышенію производительности своихъ полей. Населеніе нечерноземной полосы уже издавна ввело у себя навозное удобреніе, которое до недавняго времени давало ему преимущество передъ земледѣліемъ черноземной полосы Но возможности навознаго трехполья уже исчерпаны, а всѣ тѣ прогрессивныя теченія, о которыхъ частью говорилось на предыдущихъ страницахъ, въ противность господствующему взгляду оказались здѣсь гораздо болѣе слабыми, чѣмъ въ западной части черноземной полосы, они, очевидно, не сложились во что-либо настолько цѣльное, не привели къ такому рѣшительному преобразованію основъ организаціи хозяйства, которое было-бы способно открыть послѣднему пути къ необходимому повышенію урожайности. Давно ушедшій далеко впередъ остальной Россіи прибалтійскій край, сейчасъ переживаетъ, повидимому, полосу нѣкотораго застоя; полвѣка назадъ урожаи здѣсь въ полтора и въ два раза превышали урожаи во всѣхъ остальныхъ районахъ, теперь они даже отстали отъ урожаевъ въ юго-западномъ краѣ.

Къ аналогичнымъ, болѣе благопріятнымъ для черноземной полосы, выводамъ приводитъ и разсмотрѣніе помѣщенныхъ въ атласѣ картограммъ измѣнчивости урожаевъ за два послѣдовательныхъ періода. 1882—900 и 1895—1912 г.г. Мы видѣли, что урожаи въ нечерноземной полосѣ несравненно—въ среднемъ вдвое—устойчивѣе. Но такою болѣе высокою устойчивостью они отличаются издавна, и новѣйшее время не внесло въ этомъ отношеніи замѣтныхъ перемѣнъ; если нѣкоторыя изъ губерній крайняго сѣверо-запада и сѣвера—Петроградская, Олонецкая, Архангельская, а также Вятская, обнаруживаютъ нѣкоторое повышеніе устойчивости урожаевъ, то, напротивъ, нѣкоторыя изъ промышленныхъ губерній, какъ Московская или въ особенности Калужская, обнаруживаютъ даже повышенную измѣн-

чивость. Ничего не измѣнилось къ лучшему и во всей степной части черноземной полосы, какъ на юго-востокѣ, такъ и на югѣ; сплошная полоса, отъ Бессарабіи до Оренбургской губерніи включительно, даетъ, по прежнему, максимальную колеблемость урожаевъ—не менѣе 24-хъ, въ значительномъ большинствѣ не менѣе 28%, и только Таврическая губернія обнаруживаетъ, въ данномъ отношеніи, существенное улучшеніе. Во всей остальной части черноземной полосы, значитъ, во всемъ юго-западномъ и въ малороссійскомъ районѣ, т. е. въ области наибольшаго повышенія средней урожайности, а, значитъ, и всего вообще качественнаго уровня земледѣлія,—а также въ нѣкоторыхъ изъ центральныхъ губерній—Воронежской, Курской, Тульской, Пензенской, Рязанской, измѣнчивость урожаевъ понизилась болѣе или мечѣе замѣтно: на картограммѣ 1895—912 г.г. всѣ онѣ закрашены болѣе блѣдными тонами, чѣмъ на картограммѣ 1882—900 г.г. И уже одно то обстоятельство, что губерніи съ повысившеюся устойчивостью урожаевъ обнимаютъ болѣе или менѣе сплошную полосу, протянувшуюся отъ австрійской границы до впаденія Камы въ Волгу, убѣждаетъ въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ какимъ то стеченіемъ случайностей, а съ *закономѣрнымъ явленіемъ*, въ которомъ находитъ себѣ проявленіе все та же, *благопріятная для западной половины черноземной полосы, тенденція эволюціи полеводства*.

* * *

Итакъ, русское сельское хозяйство вообще и крестьянское въ частности отнюдь не представляетъ собою той картины полнаго застоя, какую еще такъ недавно рисовали себѣ очень многіе—въ томъ числѣ и я, и которую очень многіе (но *не* я) считали чѣмъ то неизбѣжнымъ, при данной совокупности политическихъ, соціально-экономическихъ и обще-культурныхъ условій. Оно несомнѣнно сдвинулось съ мертвой точки, несомнѣнно ищетъ выхода изъ вполнѣ назрѣвшаго кризиса отжившихъ свой вѣкъ способовъ и пріемовъ эксплоатаціи матери—природы, и передъ нимъ уже начинаютъ раскрываться нѣкоторые просвѣты. Но, конечно, на этомъ нельзя успокаиваться. То, что мы наблюдаемъ и что мы можемъ статистически констатировать, между прочимъ, на основаніи данныхъ, сведенныхъ и популяризированныхъ въ новомъ атласѣ департамента земледѣлія,—это именно только *нѣкоторые просвѣты*. Выходъ изъ кризиса еще далекъ, и русскому сельскому хозяйству, главное же, его мозгу и его мысли—общественной агрономіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова—еще много предстоитъ работы, чтобы вывести нашу хозяйственную практику, въ особенности же хозяйство крестьянскихъ массъ, на широкую торную дорогу агрикультурнаго прогресса. Да,—урожайность у насъ повысилась: въ общемъ для всей страны, какъ мы видѣли, приблизительно на двѣ трети у владѣльцевъ и на половину у крестьянъ. Но всетаки, какъ далеко

она остается позади урожайности въ любой изъ культурныхъ странъ западной Европы! Читатель-агрономъ долженъ огненными знаками запечатлѣть въ своемъ умѣ хотя бы нижеслѣдующія цифры, показывающія, какъ велика, всетаки, наша отсталость и какъ много намъ остается сдѣлать, чтобы выйти изъ фазы хроническаго недоѣданія и періодическаго голоданія народныхъ массъ, цифры средней урожайности въ Россіи и въ другихъ странахъ, какъ онѣ вычисляются для послѣдняго пятилѣтія:

	Пшеница	Рожь	Овесъ
	пудовъ съ десятины.		
Россія.	44	50	52
Свв.-Амер. С. Штаты . . .	65	67	77
Сербія.	62	50	40
Австрія.	91	92	81
Германія.	139	119	119
Франція.	88	70	86
Бельгія.	162	145	156
Англія.	148	—	118
Швеція.	143	103	196

Такимъ образомъ, до извѣстной степени можетъ сравниться съ нашимъ отечествомъ, по низкому уровню урожайности, только Сербія; даже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, съ ихъ хотя и вооруженнымъ машинами, но по существу хищническимъ хозяйствомъ—и то получаются, приблизительно, въ полтора раза большіе урожаи, чѣмъ у насъ. Затѣмъ, даже въ тѣхъ изъ западно-европейскихъ странъ, которыя по урожайности отстали стъ другихъ, какъ Франція или Австрія, урожайность приблизительно вдвое выше; въ такихъ странахъ, какъ Германія, Англія, Бельгія, даже какъ Швеція, съ ея бѣдною природой и суровымъ климатомъ, она въ два съ половиной, даже въ три раза выше, чѣмъ въ Россіи.

Велики, значитъ, задачи, которыя предстоитъ еще разрѣшить общественной агрономіи въ широкомъ смыслѣ этого слова, охватывая этимъ словомъ и агрономическую науку, и агрономическую школу. Но не менѣе велики и гораздо болѣе трудны задачи, стоящія передъ общественною агрономіей въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова: передъ совокупностью организацій, которыя должны способствовать повышенію агрикультурнаго уровня, главнымъ образомъ, мелкаго крестьянскаго хозяйства. Работники общественной агрономіи. начиная отъ стоящихъ на административныхъ верхахъ и кончая главною агрономическою рабочею силою —мѣстными агрономами всѣхъ ранговъ и наименованій, не должны ни на одну минуту забывать, что трудовое крестьянское хозяйство до сихъ поръ, какъ окончательно доказываетъ анализъ данныхъ о движеніи урожайности, въ далеко меньшей мѣрѣ

воспользовалось благами агрикультурнаго прогресса, нежели хозяйство владѣльческое, что, предоставленное самому себѣ или въ недостаточной лишь мѣрѣ обслуженное агрономическою помощью, крестьянское хозяйство, какъ мы это видимъ на примѣрѣ московскаго травосѣянія, сплошь и рядомъ оказывается не въ состояніи надлежащимъ образомъ воспринять и органически переварить даже вполнѣ насущныхъ и вполнѣ назрѣвшихъ улучшеній; а не переваренныя органически, такія улучшенія, сплошь и рядомъ, остаются чѣмъ то вродѣ посторонняго, или даже еще хуже—чужеяднаго тѣла на поверхности хозяйственнаго организма или внутри его, и не только не приносятъ хозяйству ожидаемой пользы, но иногда даже идутъ ему во зло.

Я могъ бы, въ сущности, закончить этотъ очеркъ тѣми же словами,—тѣмъ же призывомъ къ дѣятелямъ общественной агрономіи, какимъ я закончилъ мой другой, недавній очеркъ, посвященный новѣйшимъ успѣхамъ агрономической помощи въ нашей странѣ. «Нѣтъ—писалъ я, и повторяю сейчасъ, нѣтъ для Россіи болѣе важной и великой задачи, какъ дружное и энергичное агрономическое строительство. И какъ ни много—по сравненію съ недавнимъ прошлымъ—сдѣлано въ данномъ направленіи въ послѣдніе годы,—я констатировалъ и констатирую, что «мы присутствуемъ еще при самомъ началѣ того агрономическаго строительства, которое необходимо, чтобы поднять наше сельское хозяйство изъ фазы хроническаго расхищенія на ступень сохраненія и развитія производительныхъ силъ» матери-природы, матери-земли. Я долженъ, однако, сказать еще нѣсколько словъ, чтобы предотвратить возможное недоразумѣніе. Для меня—повторяю—работа общественной агрономіи—это такое великое дѣло, которое не можетъ и не должно быть отодвинуто на задній планъ *никакими* другими, сколь угодно насущными, потребностями, и *никакими* другими, сколь угодно захватывающими, настроеніями настоящаго или какого-бы то ни было будущаго момента. Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у читателя осталось представленіе, будто я изъ-за агрономической помощи забываю о другихъ насущныхъ потребностяхъ народа и страны. Вмѣсто того, чтобы пускаться, можетъ быть, въ длинныя разсужденія, я позволю себѣ закончить мой очеркъ цитатой изъ одной работы проф. А. Н. Челинцева, гдѣ превосходно схвачена коренная суть вопроса. «Процессъ эволюціи хозяйства—говоритъ г. Челинцевъ—можетъ, говоря теоретически, 1, сопровождаться повышеніемъ заработка каждаго хлѣбороба; 2, протекать при прежнемъ уровнѣ благосостоянія земледѣльческаго населенія, позволяя только жить отъ продуктовъ земли все большему числу земледѣльцевъ, или, наконецъ, 3, можетъ идти при уменьшеніи заработка отъ земли на каждаго работника и ѣдока, т. е. можетъ быть при обѣднѣніи населенія или при использованіи избы-

точнаго труда внѣ своего сельскаго хозяйства и вообще внѣ сел.-хоз. производства. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ—продолжаетъ проф. Челинцевъ—пріобрѣтенія несомнѣннаго сел.-хоз. прогресса (въ видѣ роста трудоемкости сельскаго хозяйства и увеличенія продуктивности единицы хозяйственной площади), остаются въ скрытомъ видѣ, и мы имѣемъ тогда дѣло съ «потенціальнымъ» прогрессомъ сельскаго хозяйства. Съ нимъ то въ большинствѣ случаевъ и сталкивается наблюдатель сельскаго хозяйства въ Россіи», и—какъ вѣрно отмѣчаетъ г. Челинцевъ—именно «эта то скудость и бѣдность жизни массовыхъ хозяйствъ и мѣшала часто въ прежнее время усмотрѣть поступательное движеніе массоваго сельскаго хозяйства въ Россіи». Казалось, что ни о какихъ типахъ организаціи сельскаго хозяйства и ни о какомъ его прогрессѣ «не можетъ идти и рѣчь, разъ повсюду царитъ «трехполка». и вездѣ видна бѣдная хата земледѣльца». Поскольку такой «потенціальный» характеръ прогресса сельскаго хозяйства обусловливался просто тѣмъ, что производительность земли не обгоняла ростъ населенія, а шла съ нимъ въ уровень или отставала отъ него,—первымъ требованіемъ является ускореніе роста производительности земли, слѣдовательно—*еще болѣе энергичное*, чѣмъ нужно было бы при иныхъ условіяхъ, *агрономическое строительство:* чтобы увеличивалось частное—количество продуктовъ, имѣющее получиться по разсчету на работника или на ѣдока, нужно, чтобы дѣлимое, получаемый продуктъ, росло скорѣе, чѣмъ дѣлитель—населеніе. Поскольку «потенціальный» характеръ прогресса обусловливался тѣмъ, что все растущая доля выгодъ, доставляемыхъ земледѣльческою культурой, не доставалась земледѣльцу, а уходила изъ его рукъ,—постольку вопросъ уже выходитъ изъ сферы вѣдѣнія агрономіи и агрономическаго строительства и переходитъ въ вѣдѣніе соціальной и экономической политики въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

А. Кауфманъ.